

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра русского языка и общего языкознания

Заведующий кафедрой
канд. филол. наук, доцент
Л.В. Басова

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

КОНЦЕПТОСФЕРА БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК В АСПЕКТЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

45.04.01 Филология
Магистерская программа
«Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнила работу
студентка 2 курса
очной формы обучения

Жгулева Юлия Александровна

Научный руководитель
канд. филол. наук, доцент

Аксарина Наталья Александровна

Рецензент
д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания ТюмГУ

Алишина Ханиса Чайдатовна

Тюмень
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	11
1.1. ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ПРОЦЕСС ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	11
1.2. ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ.....	14
1.3. ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА И КОНЦЕПТОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	18
1.4. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ КАК МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	21
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	24
ГЛАВА 2. СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ.....	25
2.1. ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИНЦИП ОТБОРА КОНЦЕПТОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ	25
2.2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД»	26
2.3. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЕКАТЕРИНБУРГ»	30
2.4. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КИТАЙ»	32
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	38
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТОСФЕРА БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ: ОТ МОДЕЛИ СЛОВАРЯ- СПРАВОЧНИКА К РЕШЕНИЮ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ	39
3.1. СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	39

3.2. ПРИМЕНЕНИЕ РЕСУРСОВ СЛОВАРНО-СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ	44
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	56
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	63
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СЛОВАРНО- СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД»	64
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СЛОВАРНО- СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ «ЕКАТЕРИНБУРГ»	69
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СЛОВАРНО- СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ «КИТАЙ»	73

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в свете особого внимания научной мысли оказываются словарные источники, в лаконичной форме представляющие сведения самого разнообразного характера и потому служащие незаменимыми помощниками для всех групп пользователей. Активное развитие лексикографии и возможность решения конкретных практических задач посредством систематизированных в словарном виде знаний ставит перед исследователями ряд вопросов, связанных с поиском продуктивных способов применения конкретных источников в практической деятельности. В частности, исследователи обращают внимание на использование словарных источников самого разного рода при изучении языка: они представляют собой надежную базу для научного изучения [Козырев, Черняк, 2015, с. 3–4], помогают глубже овладеть иностранным языком и приобрести определенную независимость от преподавателя и при этом несут «своеобразный методический заряд» [Дубичинский, с. 42, 335], обладают большим дидактическим потенциалом [Макеева, URL] и позволяют решать определенные лингводидактические задачи [Ружицкий, URL].

Так, весьма значимой при изучении иностранного языка является возможность обращения к словарно-справочным источникам, которые представляют фоновые знания, доступные носителю языка, но тяжело усваиваемые представителями иных культур: использование подобного рода источников дает понимание культурных кодов и позволяет освоить инокультурное семантическое пространство, что и делает возможным вхождение в мир иной национальной культуры. Конкретными способами реализации фоновых знаний выступают тексты, и особое место среди них занимают произведения художественной литературы, которые сами по себе усиливают мотивацию к изучению языка и отличаются своей привлекательностью и эффективностью в языковом учебном процессе. Новым материалом, отвечающим этим требованиям, является творчество поэтов Белого движения, которое представляет интерес как с точки зрения реализации

регионального компонента, так и с точки зрения привлекательности литературы белой эмиграции для иностранных филологов; кроме того, поэтические тексты позволяет судить о самой концептосфере белогвардейской культуры, каждая составляющая которой отражает огромный пласт русской культуры в целом и представляет собой репрезентацию существенной части русского менталитета. Лексикографическое описание концептов, реализующихся в системных актуальных смыслах, делает возможным обращение ко всем этим знаниям. Все указанное определяет **актуальность** нашего исследования.

Объект исследования – понятия белогвардейской концептосферы.

Предмет исследования – лексико-семантические средства их выражения. Материалом служат поэтические произведения представителей Белого движения.

Цель работы – создать модель семасиологического словаря-справочника «Концептосфера белогвардейской культуры». Достижение этой цели требует решения следующих **задач**:

- 1) выявить составляющие концептосферы белогвардейской культуры, отраженные в поэтических текстах поэтов-белогвардейцев;
- 2) выбрать концепты, подлежащие описанию в рамках настоящего исследования;
- 3) изучить языковые средства их репрезентации в текстах; представить семантическое описание и интерпретацию системных актуальных смыслов, в которых реализуется каждый из выбранных концептов;
- 4) разработать на основе результатов проведенного исследования модель словаря-справочника; описать макро- и микроструктуру, определяющие успешность использования ресурсов словаря-справочника в практической деятельности.

Цель и задачи работы определили выбор следующих **методов анализа**: компонентный анализ семантики слова с процедурой ступенчатой идентификации, контекстологический и дискурс-анализ, а также описательный

метод. Материалы для исследования собраны методом сплошной выборки (для наиболее подробного и точного представления исследуемых концептов).

Гипотезой, положенной в основу настоящей работы, является предположение о том, что структура словарно-справочной статьи может обеспечить решение методических задач, позволяющих использовать ресурсы словаря-справочника в учебных целях.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды:

- 1) посвященные принципам описания концептов и концептосферы в современной лингвистике (З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.В. Красных, В.И. Карасик, Н.Н. Болдырев, Ю.Е. Прохоров и др.);
- 2) посвященные проблемам изучения семантики слова (Д.Н. Шмелев, Л.А. Новиков, Б.А. Ларин, И.Я. Чернухина, Ю.Н. Караулов, И.А. Стернин, И.М. Кобозева и др.);
- 3) посвященные теории и практике лексикографии (В.А. Козырев, В.Д. Черняк, В.В. Дубичинский, М.А. Бобунова, Л.Л. Шестакова и др.);
- 4) посвященные методике преподавания русского языка как иностранного в целом и работе с художественными текстами и словарно-справочными источниками в частности (Т.М. Балыхина, А.А. Акишина, О.Е. Каган, С.И. Лебединский, Л.Ф. Гербик, И.П. Слесарева, В.И. Кодухов, Н.В. Кулибина, А.Н. Щукин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.А. Брагина, Е.В. Макеева, И.В. Ружицкий и др.);
- 5) посвященные Белому движению и творчеству его представителей (В.Д. Зимина, С.В. Волков, В.Г. Хандорин и др.; В.В. Хатюшин, Л.Н. Белошевская, О.М. Малевич, В.П. Крейд, В.К. Невярович и др.).

В качестве **источников исследования** используются сборники стихотворений поэтов-белогвардейцев: наиболее полные на сегодняшний день сборники С.С. Бехтеева, Ивана Савина (И.И. Саволайнена), Марианны Колосовой (Р.И. Виноградовой), доступные для анализа сборники Н.Н. Туроверова и Арсения Несмелова (А.И. Митропольского), а также

антологии «Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце» (2008), «Русская поэзия Китая» (2001), «Поэты пражского “Скита”» (2005), «“Скит”. Прага 1922–1940» (2006). Большинство используемых изданий предваряется биографическими, литературоведческими и иными материалами, способствующими более глубокому восприятию самих поэтических текстов.

В качестве дополнительного источника выступает сборник «Белый Рассвет» (2017), включающий стихотворения поэтов ХХI века, которые своим творчеством продолжают белое дело.

Научная новизна работы заключается в разработке указаний по использованию элементов концептосферы белогвардейской культуры, находящих отражение в создающемся словаре-справочнике, для решения конкретных задач при изучении русского языка как иностранного. Кроме того, само творчество представителей Белого движения – это новый материал в филологической науке, и ранее комплексному лексикографическому описанию он не подвергался.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении знаний о концептосфере белогвардейской культуры и средствах выражения ее элементов в поэтических текстах, а также в подготовке модели словаря-справочника, которая служит базой для дальнейшего лексикографического описания концептов. Расширяются и сведения о возможностях использования лексикографических изданий при изучении языка.

Практическая значимость работы определяется введением нового материала анализа в научный оборот и возможностью использования материалов данной работы при подготовке факультативных курсов, посвященных изучению творчества поэтов Белого движения, а также при разработке занятий по развитию у учащихся навыков аналитической работы со словом и текстом, позволяющей адекватно понимать письменную речь других людей.

Апробация отдельных частей данной работы была представлена:

- 1) на VIII Международной научной конференции молодых ученых «Актуальные вопросы филологической науки ХХI века» в виде доклада

- на тему «Языковое воплощение и культурологическая значимость концепта “Ледяной поход” белой литературной эмиграции» в секции «Современные лингвистические исследования. Вопросы перевода» в Екатеринбурге 8 февраля 2019 г.;
- 2) на III Международном молодежном конвенте УрФУ «Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании» в виде доклада на тему «Концептосфера белогвардейской культуры в аспекте РКИ: регионоведческий потенциал концепта “Екатеринбург”» в секции «“Учить и учиться”: актуальные вопросы методики преподавания РКИ в восприятии русских и иностранных студентов») в Екатеринбурге 15 марта 2019 г.;
- 3) на XXVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в виде доклада на тему «Концептосфера белогвардейской культуры: семасиологический словарь-справочник в аспекте РКИ» в секции «Филология» (подсекция «Русский как иностранный (теория и методика обучения)», подсекция «3. Функциональная лексикология. Культурология и лингвокультурология в системе преподавания русского языка иностранцам»)) в Москве 10 апреля 2019 г.;
- 4) на 70-й ежегодной студенческой научной конференции в виде доклада на тему «Концептосфера русской белогвардейской культуры в лексикографическом описании: проект семасиологического словаря-справочника» в секции «Актуальные проблемы русистики» в Тюмени 18 апреля 2019 г.;
- 5) на IV Международном молодежном конвенте УрФУ «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» в виде стендового доклада на тему «Концептосфера белогвардейской культуры в аспекте РКИ: на пути от словаря-справочника к учебному процессу» в секции «Русский язык как иностранный: традиционные и инновационные методики» в Екатеринбурге 26 марта 2020 г.;

б) на VII (XXI) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» в виде устного онлайн-доклада на тему «Семасиологический словарь-справочник как форма репрезентации концептосферы белогвардейской культуры» в секции «Когнитивная лингвистика» в Томске 17 апреля 2020 г.

Структура работы. Представленная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и четырех приложений.

Введение представляет актуальность темы исследования, его объект и предмет, цели и задачи, описание используемых методов, характеристику источников, аргументацию научной новизны, теоретической и практической значимости работы, сведения о ее апробации.

Основная часть включает в себя три главы.

Глава 1 представляет обзор основных теоретических положений современной методики преподавания русского языка как иностранного, проблем и принципов описания концептосферы в современной лингвистике и лексикографической практике и особенностей поэтического творчества белогвардейцев как материала исследования.

В Главе 2 представлено описание составляющих концептосферы белогвардейской культуры в целом и языковых средств репрезентации трех выбранных для анализа концептов в частности.

В Главе 3 указаны особенности лексикографического описания концептов белогвардейской культуры и его применения в учебном процессе.

В Заключении регистрируется выполнение цели и задач исследования, обобщаются результаты.

Библиографический список включает в себя труды, составляющие теоретико-методологическую базу исследования, опубликованные нами работы по теме исследования, а также используемые при работе источники, содержащие тексты стихотворений. Все эти источники распределяются по двум разделам: «Раздел I. Монографии, статьи», «Раздел II. Источники исследования».

Данная работа имеет 4 Приложения на 22 листах, содержащих образцы словарно-справочных статей (Приложение 2–4) и схематическое представление состава и особенностей концептосферы белогвардейской культуры (Приложение 1), которые служат иллюстративным материалом к положениям, обоснованным в Главе 2 и Главе 3.

ГЛАВА 1. ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

1.1. ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ПРОЦЕСС ОСВОЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что при обучении иностранному языку решаются методические задачи, связанные с формированием у обучающихся не только собственно лингвистических (фонетических, лексических, грамматических) компетенций, но и целого ряда компетенций, связанных с пониманием и принятием культуры другой страны. Особое место среди них занимают компетенции транскультурные, предполагающие сформированность языковой личности, толерантной по отношению к «чужой» культуре, способной преодолеть обособленность культуры родной и реализовать себя в «надкультурной» деятельности [Егорычев, Ракишева, Кретинин, URL].

Не случайно одной из насущных проблем современного социума исследователи называют аккультурацию, то есть процесс усвоения личностью, выросшей в одной культуре, существенных фактов, норм и ценностей культуры другой [Балыхина, с. 21; Верещагин, Костомаров, 1990, с. 10]. В связи с этим в учебный языковой процесс активно включаются различные элементы, отражающие культуру страны изучаемого языка и позволяющие иностранному учащемуся преодолеть культурные барьеры не только в коммуникации, но и при аналитической работе с аутентичными источниками информации. Такое обучение строится с акцентированием внимания на отражении особенностей культуры в единицах языка; при этом оказывается возможным идти как от фактов языка к фактам культуры, так и от фактов культуры – к фактам языка [Щукин, с. 105].

Так, иностранному учащемуся в процессе изучения языка важно усвоить так называемые фоновые знания, то есть знания, которые потенциально

присутствуют в сознании носителей языка (вся совокупность культурно-материальных, исторических, географических, прагматических и других сведений) и проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения [Азимов, Щукин, с. 340; Брагина, с. 146–147]. Важно отметить, что формируемый этими знаниями лексический фон слова находит лишь частичное отражение в толковых словарях, поскольку предполагает общеизвестность этих сведений носителям языка [Караулов, с. 85–89; Слесарева, с. 43]. Однако для иностранца эти сведения (необходимые для правильного понимания смысла слова и, следовательно, его правильного употребления) могут стать доступными только при обращении к источникам, содержащим важную экстралингвистическую информацию.

Так, углубить и расширить фоновые знания позволяет работа с самыми разными источниками информации, включающими в себя как собственно аутентичные материалы (художественная литература, периодическая печать, аудио- и видеозаписи и т.п.), так и различные словарно-справочные источники (словари, энциклопедии, комментарии и пояснения, содержащиеся в учебных материалах, и т.п.) [Азимов, Щукин, с. 340; Балыхина, с. 45], в связи с чем представляется необходимым обратить особое внимание на эти группы материалов.

Так, важнейшей единицей культуры является текст, а потому не случайно и отцы лингвострановедения Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров утверждали, что в центре внимания преподавательской деятельности находятся «текст как источник страноведческих знаний и чтение как путь к овладению этими сведениями» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 145]. Кроме того, особое внимание исследователи уделяли необходимости знакомства иностранцев с нашей периодикой и литературой как, с одной стороны, важнейшими источниками сведений о национальной культуре, а с другой – самими ее фактами. Подробному рассмотрению вопросов лингвострановедческой работы с художественной литературой в иностранной аудитории посвящены труды Н.В. Кулибиной (1987, 1999). В частности, она отмечает особую роль

стихотворных текстов, которые, в отличие от прозаических, можно изучить за один урок и достичь тем самым целостного восприятия [Кулибина, 1999, с. 4]. Кроме того, выразительное чтение стихотворений является одним из приемов формирования техники чтения [Шибко, с. 176], а сама ритмическая структура поэтического текста делает его более выразительным, что воздействует и на эмоциональную сферу обучаемых.

Занятия с использованием художественных текстов предполагают тонкую работу над словесным образом, а потому помогают раскрыть семантику слова – «и его общеязыковое значение, и его контекстное индивидуальное употребление, однако уже закрепленное общепринятой нормой» [Брагина, с. 172]. Отражение в значении слова всей совокупности социально-культурных особенностей жизни конкретного социума подчеркивали в своих работах многие исследователи (см., например, труды А.А. Брагиной, В.И. Кодухова, Г.В. Колшанского, Д.Н. Шмелева и др.); неоднократно обращалось внимание и на то, что изучения иностранного языка предполагает процесс постижения иначе категоризованной объективной действительности, то есть иной картины мира, иного семантического пространства [Кодухов, 141–142; Лебединский, Гербик, с. 60; Слесарева, с. 6]. Заметим, что за изучением семантики отдельных языковых единиц, а также всего семантического пространства стоит и постижение национальной концептосферы, то есть совокупности концептов нации, отражающих духовную и материальную сферу существования человека, общественный опыт народа, особенности его менталитета [Демьянков, 619–620; Попова, Стернин, 2001, с. 89]. Восприятие же слова во всей его семантической глубине, обеспечиваемое работой с художественным текстом, создает предпосылки для понимания жизни, истории, материального и духовного богатства того народа, язык которого изучается.

Различные словарно-справочные источники также представляют собой текст, позволяющий познакомиться с культурой другой страны. Так, М.А. Бобунова пишет: «Для любого человека, нуждающегося в определенной информации, незаменимыми помощниками были и остаются словари, в которых

в лаконичной форме аккумулированы человеческий опыт, знания и культурное наследие» [Бобунова, с. 5]. Кроме того, исследователями подчеркивается и возможность целенаправленного обучения пользователей словарями, в том числе ориентированного на овладение языком и его применения в практической деятельности [Дубичинский, с. 41; Щукин, с. 225].

При изучении иностранного языка высоким обучающим функционалом обладают специализированные словари концептосферы, представляющие собой репрезентацию того специфического способа восприятия и понимания действительности, который свойственен представителям конкретного национального сообщества. Обращение к подобному рода изданиям служит для иностранных учащихся источником для формирования дополнительных транскультурных знаний и, следовательно, помогает глубже овладеть иностранным языком; кроме того, лексикографическая форма позволяет учащемуся самостоятельно находить ответы на интересующие его вопросы, то есть дает определенную независимость от преподавателя в ходе учебного процесса.

Таким образом, значимость текстовой реализации фоновых знаний, а также словарно-справочных источников, способных в лаконичной форме представить необходимые для формирования транскультурной компетенции сведения, определяют необходимость подробного рассмотрения принципов описания концептосферы в лингвистике в целом и в лексикографической практике в частности.

1.2. ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ

Как и в любой науке, в филологии есть термины свои и заимствованные. Так, по замечанию М.Н. Федуловой, «термин “концепт” входит в несколько гуманитарных терминосистем – когнитивную психологию, лингвистику, культурологию, философию, но при этом его содержание определяется довольно

однообразно» [Федулова, с. 13]. Действительно, в разных отраслях знания понимание концепта оказывается связанным: он представляет собой ментальную единицу, отражающую результаты освоения окружающего мира как отдельной личностью, так и обществом в целом, а потому является существенным и для понимания национальных особенностей конкретного сообщества [Азимов, Щукин, с. 113–114; Карасик, с. 31, 299; Красных, с. 130; Прохоров, 2009, с. 159; Федулова, с. 14].

Термин «концептосфера» как совокупность концептов нации введен в научный оборот Д.С. Лихачевым [Прохоров, 2005, с. 74; Лихачев, с. 164]. Он подчеркивал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачев, с. 153]. Многообразие опыта, лежащего в основе отдельных концептов и концептосферы в целом, позволяет исследователям говорить о выделении их разновидностей: национальных, групповых, профессиональных, индивидуальных (в том числе индивидуально-авторских) и т.п. [Болдырев, с. 52; Чарыкова, с. 173].

Исследователями отдельно подчеркивается языковое выражение концептов, позволяющее проводить его лингвистическое описание. Так, Н.Н. Болдырев пишет: «В языке концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами» [Болдырев, с. 43]. При этом концепт может и не иметь словесного выражения (что затрудняет его описание и требует обращения к экстралингвистическим данным), а сам анализ языковых средств его репрезентации выявляет лишь определенную часть его признаков и характеристик [Попова, Стернин, 2001, с. 36–38]. Отсюда и тесная связь концепта с семантическим пространством языка, то есть той частью концептосферы, «которая получила выражение с помощью языковых знаков» [Попова, Стернин, 2001, с. 89]. Так, анализ значения, представляющего собой

единицу семантической системы языка, позволяет выявить определенные признаки, образующие концепт; такой анализ предполагает работу со словарными толкованиями значения имени концепта и ближайших обозначений, а также с речевыми контекстами употребления, позволяющих в совокупности говорить об ассоциативном пространстве имени, определяющим его национально-культурную специфику [Болдырев, с. 46–47; Карасик, с. 92; Красных, с. 129; Попова, Стернин, 2001, с. 59]. Важно отметить, что существует достаточно большое число методов и приемов выявления и описания концептов, однако определенный алгоритм не разработан; это, по справедливому замечанию И.А. Стернина и А.В. Рудаковой, не является недостатком методики, поскольку ментальные сущности предполагают множественность метаязыкового описания [Стернин, Рудакова, с. 10].

Перечислим основные направления когнитивной лингвистики, ориентированные на знаковую репрезентацию ментального мира, и укажем особенности подхода в описании ментальных единиц в них:

- 1) культурологическое направление предполагает исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук;
- 2) лингвокультурологическое направление предполагает изучение в направлении «от языка к культуре»;
- 3) логическое направление предполагает анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы;
- 4) философско-семиотическое направление предполагает исследование когнитивных основ знаковости;
- 5) семантико-когнитивное направление предполагает исследование лексической и грамматической семантики как средства доступа к содержанию концепта [Попова, Стернин, 2007, с. 12; Комарова, с. 462].

Семантико-когнитивный подход в рамках настоящего исследования представляется наиболее перспективным: он позволяет использовать полученные в ходе исследования данные, с одной стороны, для объяснения семантических явлений и процессов и углубленного изучения лексической и

грамматической семантики, а с другой – для моделирования концептов как единиц национальной концептосферы, что позволяет говорить об особенностях структуризации семантического пространства языка, особо значимого, как было отмечено ранее, при освоении языка иностранного [Попова, Стернин, 2007, с. 15; Попова, Стернин, 2001, с. 161]. Кроме того, указанный подход наиболее результативен при работе с художественными текстами.

Так, вслед за И.А. Стерниным, разрабатывающим указанный подход, мы понимаем под концептом «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, Рудакова, с. 13].

Заметим, что именно концепт «предопределяет смысловое (семантическое) строение текста, а через него – логическое строение», «задает коммуникативную целенаправленность» текста, что, в свою очередь, позволяет идти от текста в его вербально выраженной форме к концепту [Красных, с. 207–208]. Анализ текстов представляет собой наблюдение над контекстуальным употреблением слов, которое позволяет выявить актуализируемые и наводимые контекстом и коммуникативной ситуацией семантические компоненты (семы), установить занимаемое ими место в языковом сознании носителей языка, то есть говорить об актуальных смыслах слов [Стернин, 2018, с. 9–12; Стернин, Рудакова, с. 45]. Именно семы как структурные компоненты значения лексических единиц, репрезентирующих концепт, позволяют говорить об отдельных его признаках [Стернин, Рудакова, с. 14] При определении же актуального смысла особенно важным оказывается компонентный анализ семантики слова, позволяющий установить отличие реализованного значения от

системного, выявить тончайшие смысловые нюансы [Стернин, 1985, с. 36; Болотнова, с. 453].

При описании концептосферы в целом и отдельных концептов в частности важно учитывать наличие в них ядра и периферии [Попова, Стернин, 2001, с. 60]. Ядро, а также приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные, интерпретационные [Маслова, 30; Стернин, 2001, с. 61].

Важно обратить внимание на то, что в рамках настоящего исследования речь идет о поэтических текстах, семантика слов в которых может претерпевать значительные изменения, на что в своих трудах обращали внимание Б.А. Ларин, Л.А. Новиков, Д.М. Поцепня, И.Я. Чернухина, Д.Н. Шмелев и др. Так, совокупность единиц порождает имплицитные смыслы [Чернухина, 1990, с. 115], «относительная свобода сем в тексте приводит к семной диффузии» [Чернухина, 1993, с. 115], поэтическое слово «получает семантико-эстетическое приращение» [Новиков, с. 78] и т.д. Не случайно В.А. Маслова отмечает: «Проблема художественного концепта тесно связана с проблемой художественного слова, символа в искусстве» [Маслова, с. 32].

Таким образом, анализ текстов позволяет исследователю выявить особенности контекстного употребления слова, установить реализованный в нем актуальный смысл и, следовательно, выявить определенные признаки, образующие концепт.

1.3. ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА И КОНЦЕПТОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Существующие в настоящее время лексикографические издания существенно различаются по объему и характеру содержащихся в них сведений, по масштабности решаемых задач, по направленности на адресата и т.д., однако «в совокупности они демонстрируют разнообразные направления деятельности

лексикографов, являются надежной базой для научного изучения словарного состава русского языка, раскрывают широкие возможности использования словарей при изучении языка» [Козырев, Черняк, 2004, с. 3].

В основе словарной типологии традиционно лежит принцип деления источников на лингвистические и энциклопедические словари. Так, по замечанию В.В. Дубичинского, «в лингвистическом словаре семантизация единиц лежит в плоскости “преднаучной”, наивной картины мира, тогда как энциклопедии оперируют строго научными дефинициями» [Дубичинский, с. 72]. Важным отличием является и отсутствие в лингвистических словарях сведений по семантизации лексического фона [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 84]. Однако в последнее время, по замечанию исследователей, во многих словарях наблюдается соединение содержательного потенциала этих двух типов лексикографических изданий [Дубичинский, с. 60; Козырев, Черняк, 2015, с. 11]. Это не только обеспечивает разностороннюю характеристику описываемой единицы и, как следствие, значительный информационный и прагматический эффект при решении различных задач, но и отвечает самим запросам пользователей.

Важно заметить, что у трех основных групп пользователей словарями (носителей языка, иностранцев и лингвистов) при обращении к ним возникают задачи разные. А поскольку в рамках настоящей работы принципиальным оказывается использование словарно-справочных источников при изучении языка и обучении ему, мы обращаем внимание лишь на значимые с этой точки зрения аспекты, учитывая существование и других.

Так, словарь, ориентированный на изучение языка (учебный словарь), обязательно должен давать не только сведения лингвистического характера, но и необходимую энциклопедическую справку об описываемой единице. Одним из видов учебных словарей является словарь лингвострановедческий, в котором «в качестве средств семантизации применяются как толкование лексических понятий, так и изъяснение лексических фонов» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 206]. Однако, как показывает обзор лексикографических изданий,

подготовленный В.А. Козыревым и В.Д. Черняк, соединение признаков лингвистического и энциклопедического словарей можно обнаружить и в словарях, не ориентированных на учебный процесс.

В.В. Дубичинский обращает внимание на связанное с самим развитием концептологии и концептографии лексикографическое моделирование концептуальной модели мира [Дубичинский, с. 16]. Так, сама специфика концепта и концептосферы как единиц описания требует комплексности, а указанная ранее возможность выявления признаков концепта на основе художественных текстов позволяет создавать лексикографические труды на этом материале и судить об определенном качестве концептосферы того народа, представителем которого выступают авторы. Заметим, что подобного рода описание может служить и неким инвариантом национального восприятия анализируемых произведений, а на важность его разработки для каждого художественного текста, используемого в учебном процессе, обращала внимание Н.В. Кулибина [Кулибина, 1987, с. 55]. Затрагивала эту тему и Л.Л. Шестакова, отмечая возможность применения материалов словарей писателей для проникновения в миры, созданные авторами, то есть о возможности идти не только от текстов к словарю, но и от словаря к текстам [Шестакова, с. 12].

При подготовке любого нового словаря важно учитывать, что он может существенно отличаться от своих предшественников словником, объемом, наличием новых зон в словарной статье и иными критериями, связанными с самой спецификой лексикографируемого материала и своей прагматической направленностью. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на количество лексикографируемых параметров и глубину их проработки, которые и определяют структуру словарной статьи (микроструктура, включающая вопросы формата, объема, состава словарной статьи, презентации различного рода информации об описываемой единице) и структуру словаря в целом (макроструктура, включающая вопросы внутренних связей лексикографического произведения (отношений описываемых единиц),

принципов расположения единиц в нем) [Дубичинский, с. 56–61; Козырев, Черняк, 2004, с. 41].

Так, важно учитывать лексикографическое противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, объектом описания являются «внешне независимые друг от друга единицы, с другой – множество объектов образует систему» [Козырев, Черняк, 2015, с. 72]. Потому и каждый концепт как единица описания в словаре должен выступать и как элемент целой системы, какой является концептосфера.

Наиболее перспективным типом лексикографического издания, ориентированного на описание концептосферы, нам представляется словарь-справочник, то есть «такой тип словаря, где читатель может найти справку о любых словах, значение или употребление которых для него неясно» [Козырев, Черняк, 2015, с. 69].

Для того чтобы приступить к разработке макро- и микроструктуры словаря-справочника, помимо уже выявленных особенностей концепта и концептосферы как единиц описания, важно обратиться и к особенностям материала исследования, которым являются поэтические тексты белогвардейцев. Это позволит еще более точно говорить о разработке способов лексикографической интерпретации самой концептосферы белогвардейской культуры.

1.4. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ КАК МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Литература русского зарубежья – одно из направлений русской литературы XX века, которое представлено множеством авторов и произведений, являющихся неотъемлемой частью русской культуры в целом. И, по замечанию Л.Л. Шестаковой, применение словарных методов к ранее малодоступным произведениям русских писателей зарубежья является перспективой русской авторской лексикографии [Шестакова, с. 15–16].

Русскую эмиграцию первой волны традиционно называют белой, и представляет ее интеллектуальная элита России. Само же Белое движение, будучи явлением многоаспектным и противоречивым, оказывается в центре внимания исследователей самых разных областей знания; существенно расширить возможности для изучения этого сложного явления способны литературные произведения, служащие источником для выявления особенностей группового менталитета, отраженного в каждом концепте белогвардейской культуры.

Идеи же, основополагающие установки Белого движения определяют привлекательность концептосферы белогвардейской культуры и самих произведений, написанных белогвардейцами, как материала, представляющего фоновые знания, тяжело усваиваемые иностранными учащимися. Так, опора на исторический опыт России, ее национальные традиции и духовные ценности (прежде всего православие), отмечаемая в программных положениях Белого движения [Хандорин, с. 159; Зими́на, с. 65], находит закономерное отражение и в поэтическом творчестве белогвардейцев. Поэты Белого движения не только являлись участниками и свидетелями исторических событий, проходивших на разных территориях нашей страны в XX веке, но и обращались в своем творчестве к прошлому родной страны, значимым событиям ее истории, а также особенностям разных сторон жизни в ней (в том числе и особенностям культурным). Таким образом, концентрируя в себе разные пласты русской культуры, поэтические произведения белогвардейцев могут считаться текстами высокой культурологической значимости.

Кроме того, большинство поэтов-белогвардейцев начали изучать в качестве региональных авторов, а в аспекте русского языка как иностранного региональная литература является довольно редким компонентом, который выполняет, однако, весьма важную адаптационную функцию, позволяющую познакомить иностранцев с регионом, в который они прибыли. Так, об уроженке Алтайского края Марианне Колосовой (Р.И. Виноградовой) писал краевед В.А. Суманосов; об уроженце села Липовки Елецкого уезда Орловской губернии

(ныне Задонского района Липецкой области) – воронежский исследователь В.К. Невярович, проведший детство и юность неподалеку от имения поэта; как о донском казаке, об одном из крупнейших поэтов казачьего зарубежья в России начали говорить о Н.Н. Туроверове и т.д.

Важным оказывается и тот факт, что творчество белоэмигрантов представляет исследовательских интерес для иностранных филологов, в родной стране которых оказались наши соотечественники: во-первых, поэты отразили реалии принявшей их страны в своих текстах и главным образом ту инокультурную среду, к которой им самим пришлось приспособливаться; во-вторых, белоэмигранты занимались переводческой деятельностью и сами преподавали русский язык и русскую литературу иностранцам. Так, белоэмигрантами в Китае (В. Перелешиним, Н. Светловым, Ф. Камышнюком, В. Мартом и др.) был осуществлен перевод на русский язык большого числа поэтических произведений разных периодов китайской литературы [Крейд, с. 23]; из пражского Карлова университета получил приглашение на должность лектора русского языка и литературы А.Л. Бем [Малевиц, с. 8]; переводил стихотворения И.А. Бунина на чешский язык В.М. Лебедев [Белошевская, с. 168] и т.д.

При обращении к поэтическому творчеству белогвардейцев как материалу исследования важно учитывать разнородность самого Белого движения: причины и мотивы участия людей в Гражданской войне на стороне белых были абсолютно разными [Калягин, с. 6], и политические настроения и пристрастия эмигрантов представляли собой достаточно широкий спектр течений. В связи с этим при подготовке словарно-справочного источника представляется необходимым обратить особое внимание на указание группы эмиграции, к которой принадлежал тот или иной поэт, что позволит на основе поэтических текстов выявить разницу мировоззрений у групп авторов, оказавшихся в разных странах, и сделать выводы о настроениях внутри них.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Изучение любого иностранного языка предполагает не только формирование собственно лингвистических компетенций, но и освоение инокультурного семантического пространства, принятие иностранным учащимся новой лингвокультуры. Одним из подходов, позволяющим достичь этой цели, является специальное освоение отдельных составляющих национальной концептосферы носителей изучаемого языка, и высоким обучающим функционалом здесь обладают специализированные словари.

Концепт же как объект лингвистического и лексикографического описания предполагает обращение не только к собственно языковым данным, но и экстралингвистическим сведениям, которые формируют лексический фон понятия, обладающий национально-культурной спецификой. Выявление определенных концептуальных признаков и связанных с ними актуальных смыслов концепта на основе поэтических текстов представителей Белого движения, отличающихся высокой культурологической значимостью, позволяет лексикографически представить эти данные на новом материале филологической науки и использовать их при изучении русского языка.

ГЛАВА 2. СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

2.1. ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИНЦИП ОТБОРА КОНЦЕПТОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ

Белое движение представляет собой военно-политическое объединение, главную роль в котором играет особая гражданская позиция его участников, поэтому ядро концептосферы белогвардейской культуры составляют концепты «Родина», «Царь», «Народ», «Белые», «Красные» и «Чужбина»; их описание значимо для выявления ценностной ориентации представителей Белого движения, позволяющего расширить возможности для его изучения.

Каждый из ядерных концептов находится в отношениях «части и целого» с концептами приядерными и периферийными (см. Приложение 1). И поскольку каждая статья создающегося словаря-справочника – это отдельное исследование, посвященное определенному концепту в творчестве целого ряда авторов, ее структуру целесообразнее выработать именно на концептах приядерных и периферийных.

Так, для анализа в рамках настоящей работы выбраны концепты «Ледяной поход», «Екатеринбург» и «Китай»; выбор обусловлен рядом факторов.

1. Концепт «Ледяной поход» является одним из наиболее показательных концептов, формирующих ядерный концепт «Белые», – он позволяет представить сведения о самом Белом движении; к тому же, Ледяной поход – это историческое событие, проходившее на определенной территории, что делает его значимым с точки зрения страно- и регионоведения.
2. Концепт «Екатеринбург», входящий в ядерный концепт «Родина», значим с точки зрения страно- и регионоведения.
3. Концепт «Китай» относится к приядерной части: он, с одной стороны, тесно связан с концептом «Чужбина», а с другой – с концептами

«Харбин», «Шанхай» и «Пекин», что позволяет на его основе решить лексикографическую проблему описания концептов, связанных как с более крупными, так и более мелкими. Кроме того, этот концепт, как и многие другие, связан с эмигрантской жизнью белогвардейцев, а потому отражает отношение представителей русской культуры к культуре принявшей их страны. При выборе этого концепта учитывался и национальный состав учащихся, преобладающий в настоящее время.

4. Выбранные для описания концепты являются именами собственными: они могут быть лишены лексического понятия, но их лексический фон оказывается обширным и качественно сложным [Брагина, с. 134; Верещагин, Костомаров, 1980, с. 170; Верещагин, Костомаров, 1990, с. 56], что, как уже было отмечено ранее, представляет особый интерес в аспекте русского языка как иностранного.

Для создания словарно-справочных статей по каждому из концептов необходимо описание их вербализации в текстах поэтов-белогвардейцев. Это позволит выявить общие черты в подходе к их описанию и, как следствие, подобрать наиболее подходящую структуру для словарно-справочных статей.

Заметим, что начальный этап работы предполагает изучение сведений о явлении, называемом именем концепта, а также саму выборку авторов и конкретных произведений, которые позволяют нам судить о концепте на материале поэтических текстов; в последующих параграфах приводится лишь часть необходимых сведений и контекстов (максимально полно они представлены в Приложениях 2–4).

Поскольку же часть смыслового содержания концепта представляется каждым актуальным смыслом, в котором он реализуется в творчестве поэтов-белогвардейцев, нашей задачей является семантическое описание и интерпретация этих смыслов у выбранных для анализа концептов.

2.2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЕДЯНОЙ ПОХОД»

Ключевым концептом белой литературной эмиграции является «Ледяной поход»: в нем не только отразилось мировоззрение людей переломной для России эпохи, но и закрепился сам образ борца Белого движения [Жгулева, 2019, с. 81]. Так, по замечанию историка С.В. Волкова, именно этот поход создал первопроходникам тот ореол мученичества, которым они были окружены впоследствии [Волков, с. 5].

При обращении к этому концепту важно учитывать, что под названием «Ледяной поход» в истории России подразумеваются сразу два события – Первый Кубанский поход и Великий Сибирский Ледяной поход. Но, несмотря на то, что походы проходили в разное время и на разных территориях, их многое объединяет. В первую очередь суровые погодные условия, которые и повлияли на возникновение общего для этих походов названия. Внешне идентичны и знаки отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода и Военного ордена «За Великий Сибирский поход»: они представляют собой меч в терновом венце, ставший впоследствии символом всего Белого движения [Волков, с. 5; Хатюшин, URL]. Память о походах как о событиях, тесно связанных с образом белогвардейцев, сохранилась в культуре, что доказывают картины современных художников А.Н. Ромасюкова, С.Э. Чуданова, Д.А. Шмарина и др.; название одного из сборников стихотворений поэтов-белогвардейцев («Меч в терновом венце»); представление целого ряда стихотворений, посвященных Ледяному походу и лицам, с ним связанным, в сборнике «Белый Рассвет» (2017), изданном к столетию Белого движения.

Языковое же воплощение концепта, вербализация его в творчестве поэтов-участников похода позволяет передать все оттенки их мировидения, представить их отношение к Ледяному походу.

Так, актуальный смысл ‘поход белой армии’ подкрепляется в творчестве белогвардейцев как самим названием похода, отсылающим нас к конкретному историческому событию, так и его реалиями. Перечислим некоторые из них для каждого Ледяного похода:

- 1) для Первого Кубанского: «ехать для борьбы к Корнилову на Дон», «холодные туманы» у С.С. Бехтеева; «В снегах корниловской Кубани» у Н.Н. Туроверова;
- 2) для Великого Сибирского: строки из посвящения «Доблестной Нечаевской Армии» и «Рыцарям Ледового Похода», «Мороз. Байкал. Леса» у Марианны Колосовой; «Отшумел Ледяной поход!», «И разбилась фаланга Каппеля / О бетон крепостных ворот» у Арсения Несмелова.

Заметим, что единицы, обозначающие эти реалии (главным образом собственные наименования), входят в тематическую группу «Белые» («Корнилов», «Каледин», «Ледяной поход» и др.).

Перечисленные единицы формируют и актуальный смысл 'символ Белого движения', который также связан с историческими фактами и, как следствие, словами тематической группы «Белые» («Корнилов», «белая мечта» у С.С. Бехтеева; «Корнилов», «гроб Каледина», «восемнадцатый год» у Н.Н. Туроверова). Заметим, что Н.Н. Туроверов в стихотворении «Февраль» (1953) подчеркивает особое значение этого месяца для участников похода: «С тех пор февраль наш – драгоценный месяц. / Кто уцелел – его не позабыл». Не случайно и участник белой борьбы на юге России И.А. Эйхенбаум в своих воспоминаниях о Гражданской войне сознательно касается только одного ее эпизода – Ледяного похода, считая его центральным событием белой борьбы [Иванов, с. 286–287] и «коллективной Голгофой XX века» [Эйхенбаум, с. 163]. Об окончании похода он писал: «Им и символически, и фактически была сохранена российская государственность и выявлено гражданское лицо ее защитников. Была воздвигнута белая идея – добровольчество – бескорыстное служение Родине, беспредельная любовь и жертвенность» [Эйхенбаум, с. 236].

На жертвенность борцов, а также трудности и лишения похода в стихотворениях белогвардейцев указывает обилие слов тематической группы «Страдание». Входящие в нее слова с общими эксплицитными либо имплицитными семами 'несчастье', 'тяжкое', 'боль' («обрекшись на скитанья»,

«муки нищеты», «скорбь души», «венеч терновый» у С.С. Бехтеева; «было нам плохо, и станет нам хуже», «Свобода еще с Ледяного похода / Для нас неразлучна с бедой», «О добровольческой Голгофе» у Н.Н. Туроверова; «Благодарю за эту жизнь простую, / Суровую, как Ледяной Поход!», «О, страшный путь!..» у Марианны Колосовой); к тому же суровые погодные условия, в которых проходил поход, позволяют нам говорить о включенности соответствующих единиц («метель», «морозные ночи», «суровый иней», «февральская пурга» и др.) в тематическую группу «Страдание»), а также слова тематической группы «Смерть» с их общими семами 'конец', 'небытие' («она погибла, "белая мечта"», «кровавая тризна», «гибнущая отчизна» у С.С. Бехтеева; «следы непрошенных могил» у Н.Н. Туроверова; «...Вечерний крепнущий мороз / Дыханьем смерти оведал сибирский край» у Марианны Колосовой), тематической группы «Бедность, обездоленность» с общими семами 'нищенский', 'малоимущий' («одежды рваные и муки нищеты» у С.С. Бехтеева; «...блеск тускловатый погона / На хрупких, на детских плечах», «Мы отдали все, что имели, / Тебе, восемнадцатый год» у Н.Н. Туроверова) и тематической группы «Судьба, рок» с негативной оценочностью («жребий мой суровый», «удары тяжкие безжалостной судьбы» у С.С. Бехтеева и т.д.) служат для формирования актуального смысла 'Голгофа, символ страданий'. Заметим, что семы, формирующие этот актуальный смысл ('тяжкое', 'лишенное комфорта', 'затруднительное'), в семантическом потенциале словосочетания «Ледяной поход» в языке имплицитны. Под влиянием контекстных семантических дублетов – единиц, содержащих выраженные близкие компоненты, эти семы в словосочетании эксплицируются.

Важно отметить, что вербализации рассматриваемого концепта в целом ряде текстов оказывается под вопросом:

- 1) в стихотворении «Таежный поход» Л.Е. Ещин, вероятно, обращается к теме Сибирского Ледяного похода, участником которого он являлся;
- 2) в третьей главе «Поэмы временных лет» (1928) В.М. Лебедева отсутствует описание самого Ледяного похода, но присутствуют

строки, указывающие на Л.Г. Корнилова и предполагающие неравнодушное отношение поэта к событиям, связанным с этим именем;

- 3) в стихотворении «У карты» Арсения Несмелова, вероятно, речь идет о Сибирском Ледяном походе;
- 4) будучи донским казаком, Н.Н. Туроверов обращался в своих текстах к реалиям Степного похода, проходившего одновременно с Ледяным на близлежащей территории, из-за чего эти реалии в его текстах накладываются друг на друга («Февраль», 1953; «Не выдаст моя кобылица...», 1931; «Эти дни не могут повторяться...», 1931);
- 5) Марианна Колосова неоднократно обращалась к судьбе русской эмиграции, и Ледяной поход являлся для нее ключевым событием, представляющим судьбу белогвардейцев («За эту жизнь...», 1936; «Путем героев»).

Перечисленные факты не позволяют нам уверенно говорить о сформированности в указанных текстах определенных актуальных смыслов, однако нельзя пренебрегать и этими наблюдениями: они могут оказаться значимыми в дальнейшей работе, ориентированной на выявление специфики концептосферы белогвардейской культуры.

2.3. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЕКАТЕРИНБУРГ»

Екатеринбург – это город в России, административный центр Уральского федерального округа и Свердловской области; крупнейший культурный, научно-образовательный центр Урала. На формирование его образа оказали влияние горнозаводская (изначально ключевая для города) и пограничная (связанная с его нахождением на границе Европы и Азии) мифологии. Кроме того, Свердловская область связана с трагической судьбой семьи последнего российского императора, а потому представляется важным отражение образа

Екатеринбурга и его окрестностей в творчестве поэтов Белого движения, в котором ярко представлена тема царубийства [Жгулева, 2019, с. 849].

Значимым фактом является использование одного из рассматриваемых в рамках настоящего исследования стихотворения («Молитвы» С.С. Бехтеева) во многих книгах, посвященных Царской семье, а также в выставочных (в том числе и в Храме-на-Крови) и экскурсионных материалах. Кроме того, указанное стихотворение широко распространено как устно-поэтический духовный текст [Невярович, с. 206]; нашел он отражение и в советском кинематографе (художественный фильм «Восточный рубеж», 1982) [Жгулева, 2018, с. 355]; а начальные его строки приводятся в стихотворении «Выбор» современного автора Дмитрия Кузнецова.

Так, в творчестве поэтов-белогвардейцев концепт «Екатеринбург» реализуется в трех актуальных смыслах.

В формировании актуального смысла 'тюрьма, место заточения и каторги для Царской семьи' участвуют слова и сочетания, имеющие общие семы 'несвобода', 'изолированность': «Пытались ли Его из каторги спасти?» (у С.С. Бехтеева), «заслали Царя в трущобу» (у Арсения Несмелова) и др. Показательно, что единицы, формирующие этот смысл, имеют и имплицитные семы 'лишение', 'страдание', характеризующие сами условия пребывания царственных узников в ссылке.

Связанный с пребыванием святой Царской семьи, а также ее мученической смертью, Екатеринбург в творчестве белогвардейцев сам становится святым местом. Заметим, что на языковом уровне актуальный смысл 'святое место' подкрепляется обилием слов тематической группы «Святое» только в творчестве С.С. Бехтеева («Святой Семьи страдания и муки», «Они ушли от нас святыми, / Как жили с нами на земле», «Но сохранят веков скрижали / Святых Страдальцев Имена»); у остальных поэтов указанный смысл формируется лишь в импликациях – в тесной связи с актуальным смыслом 'место смерти Царской семьи, царская Голгофа'.

О реализации третьего актуального смысла позволяют говорить текстовые фрагменты, связанные с обращением белогвардейцев к теме цареубийства. Так, трагическая гибель Романовых в Екатеринбурге стала для города историей, окруженной множеством загадок и догадок: «...Прошли года. От тех времен / Осталось мало что знакомо, / Но тайной страшной окружен / Подвал Ипатьевского дома...» (М.Ц. Спургот). Помимо Храма-на-Крови, ставшего визуальной частью имиджа Екатеринбурга, одним из самых посещаемых паломниками и туристами мест стал и Храмовый комплекс Ганина Яма; именно это место изображает С.С. Бехтеев в стихотворении «Цареубийцы» (1921).

Во многих текстах, в которых отражается судьба Царской семьи, возникает и образ несения креста (например, «Вы помогли ль Ему, как преданные слуги, / Тяжелый Крест по торжищам нести?» (С.С. Бехтеев, «Царский крест», 1922), «Дай крепость нам, о Боже правый, / Злодейства ближнего прощать / И крест тяжелый и кровавый / С Твоею кротостью встречать» (С.С. Бехтеев, «Молитва», 1917)), подразумевающий (в связи с библейской историей) стоическое перенесение испытаний, готовность принять страдания, муки. Более того, в поэзии С.С. Бехтеева Голгофа как холм близ Иерусалима, где, по христианскому вероучению, был распят Иисус Христос, соотносится с Россией и ее расстрелянным правителем. Отсюда и восприятие Екатеринбурга и самого Ипатьевского дома как Голгофы («Голгофа Царского страданья / Была тобою пройдена, / И злоба буйного восстанья / Твоим Крестом побеждена» (у С.С. Бехтеев); «Замыкаешь ли, дом Ипатьев, / Некий давний кровавый путь?» (у Арсения Несмелова).

Таким образом, вербализация концепта «Екатеринбург» в поэзии белогвардейцев позволяет нам говорить о существенной части образа города. Заметим, что рассмотренные тексты были написаны в первой половине XX века и, вероятно, они являются первыми произведениями, в которых Екатеринбург прямо или косвенно именуется царской Голгофой и святым местом.

2.4. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КИТАЙ»

Китай – это государство в Восточной Азии; крупнейшее по численности населения государство мира. Его культура является одной из самых древних и самобытных. Китай стал второй родиной для многих белоэмигрантов, тесно познакомившихся с культурой принявшей их страны, а русскую литературу Китая справедливо считают отдельной ветвью богатейшей словесности зарубежья. Кроме того, эмигрантами, знавшими китайский, на русский язык были переведены поэтические произведения разных периодов китайской литературы.

Жизни эмигрантов в Китае посвящен и ряд стихотворений из сборника «Белый Рассвет» («Полковник Н» (Александр Чжоу), «Я приехал в Харбин» (Николай Жданов-Луценко), «Арсению Несмелову» (Елена Семенова)), требующих отдельного рассмотрения.

Представление о Китае как о стране (и, соответственно, реализация актуального смысла ‘страна’) соотносится с его общегеографическими, политическими, социально-экономическими, культурно-историческими и иными особенностями. Так, поэты в произведениях обращаются к самому названию страны, к этнонимам, к названиям отдельных городов и районов, рек и т.д.; подкрепляет этот смысл целый ряд единиц, являющихся референтами концепта «Китай»; наиболее полное отражение всех указанных особенностей можно проследить в следующих актуальных смыслах.

Так, одним из самых частотных актуальных смыслов, наравне с первым, является смысл ‘символ многовековой культуры’, поскольку именно она является одной из самых ярких особенностей местного национального сообщества, и белоэмигранты активно переосмысливают самые различные ее проявления в своих текстах. Выражается это в упоминаниях:

- 1) реалий китайского быта (культура повседневности): «И в фанзе поселиться там, / Где часты переплеты рам; / Бумага в них, а не стекло», «Свинину палочками есть / И чаем горьким запивать; / Потом курить и рисовать, / Писать на шелке письма...» у Бориса Беты; «над круглой

- кадкой круглые пельмени», «Два желтых мужика едят из чашек рис» у Всеволода Иванова и т.д.;
- 2) особенностей менталитета: «Китаец – вечный мистик» у Всеволода Иванова; «Не дружит с усмешкой веселой, / Не любит беседы пустой» у Арсения Несмелова; «Китаец – мастер зевак зазывать» у Николая Светлова и т.д.;
- 3) обычаев и традиций: «В его косе вплетен шнурочек белый – / Знак траура по близком человеке» у Венедикта Марта; «Это лихо в барабаны / От вина и шума пьяный / Бьет китайский весь народ, / Провожая старый год», «Это духов злых и вредных / От своих фанзешек бедных / Гонит прочь китайский люд» у Николая Светлова и т.д.;
- 4) религии: «Храм с девятнадцатью буддами» у Арсения Несмелова; «Заходим в храм пустой и скромный», «Сюда, приветливо взирая, / Вся золоченая, Гуаньинь / Сошла для нас от кущей рая...» у Валерия Перелешина; «Обрюзгший бог, скрестивши ноги, спит», «Пока он спит, медлительные бонзы, / Сжигают свечи, ударяют в гонг. / Но замер он, весь вылитый из бронзы, / Под медленно струящийся дифтонг» у Тамары Андреевой и т.д.;
- 5) произведений искусства («Пейзаж китайский примитивно прост. / Тут верная жена нашла блаженство, / Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост / И тайных знаков страшно совершенство» у Тамары Андреевой; «Китайский мастер их нарисовал / Легчайшею и совершенной кистью» у Валерия Перелешина); музыки («Хуцинь» у Валерия Перелешина и др.), литературы («Сама Ян Гуэй-фей для него растирала / На блюде фарфоровом палочку туши», «Бродягу и пьяницу знал современник, / Поэт Ли Тай-бо – это тысячелетьям» у Юстины Крузенштерн-Петерец; «Стихи императора Юань-хао-сянь» у Михаила Щербакова и т.д.) и философии («“Страсти подобны Ван-Хао” – так некогда молвил Конфуций, / Древний китайский мудрец...» у Николая Светлова; «Из мудрых песен Лао-цзы» у Михаила Спургота и т.д.);

- б) языковых особенностей и в использовании в текстах единиц китайского языка: «Шуй-сен хуа – цветок нарцисса. / Это значит – водяная нимфа», «Вы окликнули меня: «Лалисса!» – / Сделав имя кукольным и ломким...» у Лариссы Андерсен (заметим, что в стихотворении зафиксирована особенность китайского языка, приведшая к замене звука [р'] в имени звуком [л']); «Во ай ни» (кит. 'я тебя люблю') у Кирилла Батурина; «Эта улица – “чжи жу фа”» ('прямая, как волос', китайский фразеологизм) у Валерия Перелешина (кроме того, в своих текстах поэт рассуждает о китайских именах («Красные Листья под Инеем – странное имя: / Сколько в Китае затейных и умных имен!»)) и т.д.

Показательно, что в семантическом окружении слов, репрезентирующий культуру Китая, употребляются слова с семантикой старины, древности (тысячелетия, столетия, старинный, старый, древний и др.); кроме того, культура чужой страны подвергается оценке, откуда в текстах и появляются единицы с оценочной семантикой (совершенный, красивый, величавый, высокий, скромный, примитивно простой, неискusstный и др.).

Китайская культура не оставила белоэмигрантов равнодушными и, как нечто непонятное, странное, удивительное, повлияла на развитие противоположных смыслов, часто связанных с готовностью или неготовностью принять реалии чужой страны.

Китай являлся одним из центров русской эмиграции и, с одной стороны, оставался для многих эмигрантов страной чужой, далекой по духу, а с другой – становился приютом, убежищем, дающим возможность отдохнуть от тревог. Поэтому актуальный смысл 'чужбина, пристанище белоэмигрантов' подкрепляется:

- 1) словами, содержащими общую эксплицитную либо имплицитную сему 'чужое' и самой оппозицией «родное – чужое» («А здесь, на чужбине, все скучны и странны: / Я им непонятен, они мне чужды» у Николая Алла; «из чуждого Китая», «в чужом холодном мире» у Марианны

Колосовой; «...В чужой стране / Я тоже эмигранткой стала...» у Елизаветы Рачинской; «в кругу чужестранцев» у Николая Щеголева и т.д.;

- 2) словами с общими эксплицитными либо имплицитными семами 'забота', 'благожелательный' («Защитил, укрыл от вихрей злых» у Елены Даль; «Давал приют уставшим от скитаний / И душу русскую берег» у Александры Паркау; «Словно дом после долгих блужданий» у Валерия Перелешина и т.д.; обращаются белоэмигранты в своих текстах и к реалиям русской жизни в чужой стране, русским «островкам» («Былой России скромный уголок» у Александры Паркау; «...Аньда – / Этот русский пустынный оазис» у Григория Сатовского; «Русейший облик Харбина» у Михаила Шмейссера и т.д.

Заметим, что рассматриваемый актуальный смысл в импликации реализуется в творчестве всех поэтов, что является его спецификой.

Оказавшись вдали от родной страны в условиях чужой культуры и испытав на себе тяжесть эмигрантской жизни (как материальную, так и моральную), поэты не могли не обратиться к пережитому в своих текстах. Отсюда в них обилие слов тематической группы «Страдание» с их общими эксплицитными либо имплицитными семами 'несчастье', 'тяжкое', 'боль' («Я выпил стакан эмигрантской отравы...» у Николая Алла; «Я живу лишь едва-едва, / Не живу, а жизнь свою мыкаю» у Леонида Ещина; «Злобный ветер обжег наши души...», «потери», «за горькие, слезные дни» у Марианны Колосовой; «В глухом окаменении тоски / Живут стареющие россияне» у Арсения Несмелова; «С какую беспредельною тоскою / Они ушли из дома навсегда!» у Лидии Хаиндровой и т.д.) и слов тематической группы «Бедность, обездоленность» с общими семами 'нищенский', 'малоимущий' («всю молодость нищими жить», «Живем на чужбине – чужие, / И наша царица – Нужда» у Марианны Колосовой; «Получая гроши» у Николая Щеголева и т.д.; заметим, что эмигранты чаще всего имели дело с социальными низами, а потому и представление о самом Китае было связано у них с понятием бедности («И страшных нищих в цепких лапах /

Нужды и тягостных годов» у Василия Логинова; «Китая бедный сын, оборванный и грязный», «Его удел работа, нищета...» у Елизаветы Рачинской; «Спит, раскинувшись, нищий больной» у Ольги Скопиченко и т.д.). Совокупность указанных единиц формирует актуальный смысл 'место страданий'.

И, напротив, нахождение в стране, верной своему культурному наследию, вдохновляло эмигрантов, а спокойная обстановка после революций и Гражданской войны в родной стране позволяла вернуться к гармоничному существованию на чужбине. Отсюда и появление актуального смысла 'место спокойствия и блаженства, рай', на языковом уровне подкрепляющегося единицами с общими имплицитными семами 'удовлетворение', 'покой': «Нирвана. Беспечность», «и был только он – только отдых» у Алексея Ачаира; «И дышит все вокруг покоем» у Арсения Несмелова; «Приходил тишины зачерпнуть», «В этом странном и шумном раю...» у Валерия Перелешина и т.д. Само восприятие древней культуры, накопившей мудрость веков, способствовало возникновению рассматриваемого смысла.

Так, будучи чужбиной географической, Китай стал родиной духовной для целого ряда эмигрантов, что подтверждается в их текстах самим наименованием Китая второй родиной, а также словами с общей семой 'родное': «...мне стала Родиной второю / Приютившая меня страна» у Елены Даль; «У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране, / И желтые кроткие люди мне братьями стали» у Валерия Перелешина; «И стал нам родиной второй / Китай с коробки чайной» у Александры Серебренниковой и т.д. Актуальный смысл 'вторая родина' находит подтверждение на языковом уровне у целого ряда поэтов, однако оказывается одним из самых редких.

Итак, описание концепта «Китай» показывает специфику восприятия соответствующей страны представителями русской культуры.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Как показало описание трех выбранных концептов, особое значение при анализе имеет, помимо работы с самими поэтическими текстами, обращение к энциклопедическим справкам, позволяющим установить специфику белогвардейского мировоззрения, выражающуюся в отличии белогвардейских смыслов от существующих в настоящее время в языковом сознании носителей русского языка.

Особенности концепта как единицы описания в целом и особенности концептов, вербализованных в творчестве поэтов-белогвардейцев, в частности предписывают создающему словарю-справочнику необходимость комплексной информации в нем, отражающей как собственно семантическое описание актуальных смыслов каждого концепта, так и экстралингвистическую справку об описываемом явлении.

Кроме того, анализ различных источников позволяет выявить и значимую дополнительную информацию об определенных элементах белогвардейской концептосферы, которая является культурологически значимой, а потому представляется необходимой частью создающегося словаря-справочника.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТОСФЕРА БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ: ОТ МОДЕЛИ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА К РЕШЕНИЮ УЧЕБНЫХ ЗАДАЧ

3.1. СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Создание любого лексикографического проекта предполагает несколько этапов работы: обоснование необходимости и актуальности создающегося источника, определение его типа и основных характеристик, а также долгий период подготовительных исследований и экспериментов, связанных как со сбором постоянно увеличивающейся массы материала, так и его обработкой [Дубичинский, с. 370–373].

Так, изучение подходов к описанию концептосферы в современной лингвистике и лексикографической практике позволило нам говорить о комплексности описания как необходимом параметре словаря-справочника, а изучение особенностей поэтического творчества белогвардейцев обратило внимание на необходимость указания в нем группы эмиграции, к которой относился каждый поэт, чьи тексты были задействованы в семасиологическом описании концепта.

Проведенные нами исследования вербализации концептов белогвардейской культуры в творчестве поэтов Белого движения являются базой создающегося словаря-справочника и представляют собой основную часть словарно-справочных статей, что можно заметить в материалах Приложений 2–4. При этом важно отметить, что в рамках настоящей работы речь идет о создании лишь модели словаря-справочника, в связи с чем и выбор концептов был обусловлен в первую очередь самой необходимостью разработки авторской концепции структуры словарно-справочной статьи. Вторым критерием отбора для анализа конкретных концептов был учет культурологической значимости каждого выбранного концепта с точки зрения изучения русского языка как

иностранный. В целом же, как показало обзорное представление структуры белогвардейской концептосферы, ее комплексное лексикографическое описание предполагает работу с большим количеством концептов разного уровня, которые способны существенно расширить возможности решения с помощью ресурсов словаря-справочника конкретных задач, связанных как с изучением Белого движения и творчества его представителей, так и с изучением русского языка как иностранного на этом материале.

Само исследование выбранных концептов позволило выявить некоторые закономерности. Так, при работе с концептом важным оказывается не только семасиологическое его описание на материале поэтических текстов, но и изучение экстралингвистических фактов, с одной стороны, служащих основой для формирования конкретных актуальных смыслов в творчестве поэтов, а с другой – позволяющих установить разницу между смыслами, которые существовали в сознании белогвардейцев, и смыслами, которые существуют в сознании современных носителей русского языка (первые, как правило, представляют лишь часть общероссийских). Кроме того, в ходе исследования были обнаружены культурологически значимые факты о включенности элементов концептосферы белогвардейской культуры в русскую культуру в целом, что, на наш взгляд, является важным элементом и в словарно-справочной статье, расширяющим возможности ее использования.

Все перечисленное позволяет говорить о необходимости включения в правую (изъяснительную) часть словаря-справочника трех блоков информации:

- 1) краткой энциклопедической справки, которая не позволяет пользователю отождествить «белогвардейские» смыслы концепта с общероссийскими;
- 2) семасиологического описания концептов, особое внимание в котором уделяется указанию авторов, в творчестве которых встречается конкретный актуальный смысл, а также стран, в которые они эмигрировали, что позволяет пользователю проводить выборку по авторам и странам;

3) сведений о включенности элементов концептосферы белогвардейской культуры в русскую культуру в целом.

Таким образом, изъяснительная часть словаря совмещает в себе семантическую, историческую, культурологическую и литературную информацию [Жгулева, 2019, DVD-ROM]. Причем комплексность описания наблюдается как в словарно-справочной статье в целом, так и в особо значимой в ней второй части, посвященной описанию актуальных смыслов, поскольку это описание совмещает в себе как толкование номинативной сферы языковых единиц, так и изъяснение их фоновой семантики. Такое подробное описание соответствует, с одной стороны, концепту как ментальной единице, требующей от описания комплексности, а с другой – лексикографическим тенденциям, характеризующимся соединением содержательного потенциала двух типов лексикографических изданий – лингвистических и энциклопедических словарей.

Заметим, что перечень актуальных смыслов выстраивается в словаре-справочнике по традиционному принципу подчинения более мелких смысловых делений более крупным, производных смыслов исходным. В самом этом порядке расположения актуальных смыслов проявляются и особенности представлений носителей русского языка о мироустройстве. А используемый нами в качестве основного метод компонентного анализа семантики слова позволяет описать концепт лингвистическими средствами, устраняя тем самым возможность подмены лингвистической работы работой культурологической.

Трехчастное описание заголовочной единицы, представляющей собой наименование концепта, позволяет дать максимум информации о ней в одной словарно-справочной статье, используя минимум средств. Для разграничения же этих блоков информации в словаре-справочнике используются графические знаки: выделение в рамку первого блока, нумерация актуальных смыслов во втором и использование символа «►» в третьем.

Кроме того, внутри второго блока информации символами «~» и «{» вводится, соответственно, перечень авторов, в творчестве которых реализуется актуальный смысл, и перечень авторов, реализация актуального смысла в

творчестве которых требует некоторых замечаний, представленных в самой словарно-справочной статье в скобках.

Страны, в которых оказались поэты-белогвардейцы, представлены изображением флагов рядом с фамилиями: без скобок указаны изображения флагов тех стран, в которых были написаны тексты, непосредственно рассматриваемые во втором блоке информации; а в скобках представлены изображения флагов тех стран, которые позволяют говорить в целом об отношении автора к конкретной группе (или группам) эмиграции. Соответствующее разделение вызывает некоторые затруднения, однако является важным элементом лексикографирования, позволяющим проследить временную трансформацию смыслов и их зависимость от настроений внутри группы эмиграции.

В случае возвращения автора на родину указывается герб СССР, что в дальнейшем позволит делать выводы о специфике развития актуальных смыслов в творчестве и этой группы авторов.

Перечень авторов для удобства поиска приводится в алфавитном порядке.

Важно отметить, что ориентированность словаря-справочника на использование его ресурсов в практической деятельности делает необходимым указание названия текста, единицы которого служат для формирования конкретного актуального смысла, и года его написания (что, однако, не всегда оказывается возможным из-за отсутствия датировок в авторских текстах или отдельных доступных для анализа сборниках). Это позволяет, с одной стороны, использовать материалы словаря-справочника для выборки конкретных текстов (пользователю становится понятным, к каким текстам можно обратиться, чтобы познакомиться с концептом не по фрагменту текста, приведенному в словарно-справочной статье, а по полному поэтическому произведению), а с другой – использовать их как базу для дальнейших монографических исследований, позволяющих проследить временную трансформацию семантики образов.

Расширить объем информации в словаре-справочнике позволяют используемые отсылочные статьи – подчеркнутые и написанные заглавными

буквами наименования заголовочных единиц, к которым производится отсылка, и указания в квадратных скобках конкретных актуальных смыслов, с которыми связан рассматриваемый. Таким образом, они показывают взаимосвязь и взаимозависимость концептов, что, в свою очередь, делает возможным выявление особенностей ценностной ориентации представителей Белого движения и приближает исследователей к пониманию их мировоззрения, и словарь-справочник, фиксируя смысловые признаки концептов и взаимосвязи между ними, позволяет лексикографически смоделировать мировоззрение белых.

Важно отметить, что список источников исследования постоянно пополняется новыми авторами и текстами, что расширяет и сведения о Белом движении.

Заметим также, что ссылки на словарно-справочные статьи, отсутствующие в настоящей работе (например, по концептам «Белые», «Вождь», «Царь», «Родина», «Тобольск», «Голгофа», «Зима», «Чужбина», «Харбин» и др.), приводятся нами предварительно, на основе обзорного контекстуального анализа соответствующих концептов, позволившего подготовить перечень возможных их актуальных смыслов, который в дальнейшем требует семасиологической проверки и лексикографического оформления. В связи с этим важно учитывать, что в словарно-справочных статьях, представленных в Приложениях 2–4, судить о функционале этой структурной единицы можно только в рамках одной словарно-справочной статьи – при отсылке от одного актуального смысла концепта к другому. Это не является недостатком лексикографического описания в настоящей работе, поскольку тщательная проработка каждого отдельного концепта требует обращения к описанию средств не только его вербализации, но и других, связанных с ним концептов, что является целью создания комплексного словаря-справочника, а не его модели. Значимость же выделения отсылочных статей бесспорна: она не только экономит место в каждой словарно-справочной статье, дополняя, расширяя и поясняя сведения об описываемом явлении в других подобных структурных

единицах, но и выстраивает связи как между отдельными концептами, так и отдельными их актуальными смыслами, что позволяет говорить и об ассоциативных связях в русской языковой картине мира.

Итак, рассмотрение особенностей лексикографического описания концептов в словаре-справочнике и специфики его метаязыка представляет собой неотъемлемую часть характеристики главного его лексикографического параметра, дающего пользователю и представление о возможностях решения конкретных практических задач посредством знаний, систематизированных в виде словарно-справочного источника «Концептосфера белогвардейской культуры».

3.2. ПРИМЕНЕНИЕ РЕСУРСОВ СЛОВАРНО-СПРАВОЧНОЙ СТАТЬИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассмотрев макро- и микроструктуру создающегося словаря-справочника, можно говорить о значимости каждой отдельной его составляющей в языковом учебном процессе и, следовательно, в разработке указаний по использованию его ресурсов в аспекте русского языка как иностранного.

Как уже было отмечено, заголовочной единицей выступает наименование концепта, который, с одной стороны, будучи ментальной единицей, требует комплексного описания и тем самым задает разностороннюю характеристику описываемого явления, а с другой – фиксирует фоновые знания и культурные коды. И если словарные толкования дают лишь самое общее представление о значении слова, а энциклопедические словари – о понятии, то статьи словаря-справочника «Концептосфера белогвардейской культуры» совмещают в себе как толкование собственно лексического значения языковых единиц, так и сведения о семантизации их лексического фона, что сближает наш словарь с лингвострановедческими. Однако последние, во-первых, являются словарями учебными, непосредственно ориентированными на изучение русского языка как иностранного, а во-вторых, отличаются ориентацией на изъяснение

современных лексических фонов. А создающийся словарь-справочник фиксирует актуальные смыслы концептов, вербализованных в текстах поэтов XX века, которые, соответственно, представляют лишь часть общероссийских смыслов. Так, например, актуальные смыслы концепта «Екатеринбург» отражают только значимую для белогвардейцев часть образа города, связанную с пребыванием в нем Царской семьи, но не задействуют горнозаводскую и пограничную мифологии, указанные в краткой энциклопедической справке словарно-справочной статьи. При этом по справедливому замечанию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, даже самым малым вкладом в познание России не следует пренебрегать и «вся мозаика реальной культуры – естественно, при соблюдении необходимых пропорций – может и, пожалуй, должна найти себе место в языковом учебном процессе» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 238].

Словарь-справочник ориентирован на достижения современной семасиологии, а потому в нем фиксируется процесс экспликации информации, присутствующей в текстах в скрытом виде, и произведения белогвардейцев рассматриваются как источник выявления компонентов, которые присутствовали в языковом сознании носителей языка, но были лишь частично зафиксированы толковыми словарями.

Каждая словарно-справочная статья занимает несколько страниц, поскольку совмещает в себе комплексную информацию об описываемом явлении, что представляет несомненный интерес как для иностранных учащихся, так и для преподавателей русского языка как иностранного.

Рассмотрим возможности его применения в языковом учебном процессе указанными группами пользователей.

Так, сама возможность обратиться к подобным словарно-справочным источникам в курсе страноведения для иностранцев весьма значима: они являются текстовой реализацией фоновых знаний, а потому служат источником дополнительных транскультурных знаний, делающих возможным вхождение в мир иной национальной культуры. Кроме того, лексикографическая форма

позволяет иностранному учащемуся самостоятельно осваивать необходимые знания и находить ответы на интересующие вопросы. Предшествующая же описанию актуальных смыслов краткая энциклопедическая справка дает возможность понять, какая еще более подробная информация об описываемом явлении может оказаться необходимой для правильного и полного понимания описываемого явления.

Обращаясь к описанию каждого актуального смысла концепта с семасиологическим комментарием к иллюстрации его употребления, а также подробным описанием явления, названного понятием, иностранец может понять особенности речеупотребления, установить политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи, то есть понять процесс формирования смысла и изучить определенную часть картины мира носителей русского языка. Таким образом, работа со словарем-справочником позволяет ему освоить инокультурное семантическое пространство и развить ассоциативные связи, свойственные русской языковой картине мира.

Важным оказывается и исследовательский интерес иностранных филологов к творчеству поэтов, оказавшихся в их родной стране и ставших определенной частью их культуры. Графические знаки, выделяющие соответствующую информацию в словарно-справочной статье, позволяют производить необходимую выборку для исследований.

Словарь-справочник может быть полезен и в переводческой деятельности иностранцев, поскольку концептуальный анализ художественного произведения представляет данные, «позволяющие смоделировать структуру языкового сознания автора в виде концептосферы исходного текста, а затем подобрать адекватные ресурсы для его перевода» [Александрович, с. 5].

Поскольку материалами исследования и материалами самого словаря-справочника являются поэтические тексты, он представляет интерес и для преподавателя при подготовке занятий по развитию у учащихся навыков чтения художественной литературы.

Так, словарь-справочник можно рассматривать в качестве расширенного лингвистического комментария к текстам поэтов-белогвардейцев, и с этой точки зрения он полезен и для русских читателей. Его материалы могут быть использованы при подготовке факультативных курсов, посвященных изучению творчества поэтов Белого движения, а также при развитии у студентов-иностранцев навыков аналитической работы со словом и текстом, позволяющей адекватно понимать письменную речь, соотносить языковое явление с тем значением, которое оно получает в тексте [Жгулева, 2019, DVD-ROM].

Для понимания того, как создающийся словарно-справочный источник может помочь в достижении этой цели, необходимо обратиться к особенностям его микроструктуры с точки зрения самих этапов работы над текстом на занятиях по русскому языку как иностранному.

Так, работа над текстом состоит из трех этапов (пред-, при- и послетекстового), каждый из которых решает определенные задачи в процессе обучения чтению художественной литературы [Кулибина, 1999, с.13].

Предтекстовая работа призвана подготовить учащихся к чтению текста и смоделировать страноведческие знания первого уровня, то есть знания, не затрагивающие сюжет, конфликт, идею и т.д. предлагаемого для чтения текста [Кулибина, 1987, с. 62]. В создающемся лексикографическом источнике соответствующую функцию выполняет первый блок изъяснительной части словарно-справочной статьи; приведенные в нем сведения способствуют актуализации и коррекции имеющихся у иностранных учащихся страноведческих знаний о событиях национальной истории, значимых географических объектах и других фактах, являющихся фоном для событий, описываемых в поэтических произведениях.

Кроме того, и в первом, и в третьем блоке словарно-справочной статьи присутствуют дополнительные сведения – указания на различные аудиовизуальные материалы, что делает эти части потенциальным источником разработки заданий для всех этапов работы над текстом, а также их отдельного

использования (например, построение занятия с использованием картин, указанных в словарно-справочной статье «Ледяной поход» (см. Приложение 2)).

Особый же интерес представляет описание каждого актуального смысла концепта: эти материалы представляют собой продвижение вглубь текста, они фиксируют связи между словесными образами и, следовательно, могут быть полезными при проектировании притекстовых заданий, позволяющих через язык произведений войти в мир авторов и направить учащихся на диалог, дискуссию, что усиливает и мотивацию к обучению. К тому же, по замечанию Н.В. Кулибиной, основанному на опыте работы с иностранными студентами, сама «тщательная, тонкая (“ювелирная”) работа над словом, словесным образом в художественном тексте нравится учащимся» [Кулибина, 1999, с. 11]. Подобная работа позволяет и «достичь важного результата – развития ассоциативных связей, свойственных русской языковой картине мира» [Макеева, URL].

Важно отметить, что поэзия Белого движения лишена окказионализмов, а в формировании актуальных смыслов в текстах активно используются как ресурсы самого слова, так и значимая культурная информация, что было подтверждено в ходе семасиологического исследования.

Таким образом, материалы словаря-справочника оказываются источником, фиксирующим последовательное раскрытие смысла художественного произведения: от понимания значения языковых единиц, составляющих конкретный образ, к восприятию их образной сути и далее к постижению их роли в создании смысла художественного произведения. Будучи репрезентацией инварианта национального восприятия текстов поэтов-белогвардейцев, словарь-справочник оказывается значимым источником в формировании навыков самостоятельного чтения художественно литературы, то есть самостоятельного преодоления трудностей на основе языковой догадки, опоры на контекст.

Заметим, что немаловажным для преподавателя является само обращение на занятиях к новым текстам, которые исключают использование известных суждений о произведении и позволяют иностранному студенту самостоятельно

извлечь необходимую информацию из текста. Поэзия же Белого движения представляет собой новый материал в филологической науке, который, как уже было отмечено ранее, значим как с точки зрения регионоведения (в самом широком смысле), так и с точки зрения интереса к нему иностранных филологов, что делает возможным и использование поэтических текстов в мононациональной аудитории (среди французов, китайцев, сербов и т.д.), благодаря чему становится возможным говорить, с одной стороны, об образе других стран в глазах русского эмигранта и обустройства жизни русских в эмиграции, а с другой – о дружественность государств, что имеет особое значение в межкультурной коммуникации.

Последний, послетекстовый этап работы предполагает задания на общее понимание текста, на углубленное постижение произведения, задания на перевод и т.п. Так, третий блок информации, завершающий словарно-справочную статью, содержит, среди прочего, указания на обращение к описываемому концепту белогвардейской культуры современных авторов, что позволяет от анализа текстов, написанных в XX веке, перейти к закреплению на материале подобных, задействовав более широкий культурный контекст и познакомив иностранных учащихся с одним из направлений современной российской поэзии.

Кроме того, ресурсы словаря-справочника представляют дополнительные сведения для экскурсионных материалов: например, привлечение к ним текстов, в которых формируется образ Екатеринбурга (см. Приложение 3), также позволит углубить и расширить фоновые знания иностранцев о стране, ее культуре и истории [Жгулева, 2019, с. 848–849].

Однако важно обратить внимание на то, что материалы словаря-справочника представляют собой художественно-образную семантизацию, которая возможна, «как правило, лишь на продвинутом и высшем этапах обучения» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 107]. В связи с этим целесообразно включать поэтические тексты только на соответствующих уровнях, а на других использовать материалы исследования, которые дают нам представление о

рассматриваемых концептах, или указанные в словарно-справочной статье аудиовизуальные материалы.

Все указанное свидетельствует о том, что преподаватель может отбирать необходимый материал для занятий в зависимости от уровня владения языком, профессиональных и личностных потребностей иностранных студентов, целей обучения и т.д. В связи с многообразием указанных параметров, а также тем фактом, что применение материалов словаря-справочника во многом зависит от опыта и фантазии преподавателя, считаем нецелесообразным в рамках настоящей работы обращаться к созданию методических разработок. Наиболее важной частью работы представляется разработка общих указаний по использованию ресурсов создающегося словарно-справочного источника в учебном процессе, которые и определяют его успешность.

Заметим, что, по замечанию В.В. Дубичинского, «современная лексикография невозможна без широкой компьютеризации» [Дубичинский, с. 350]. Так, разработка словарно-справочного источника в виде электронного ресурса поможет организовать быстрый доступ к словнику, набору цитатного материала и т.п. Это сделает и представление концептосферы белогвардейской культуры более обозримым, облегчит пользователям задачу отбора текстов, выборки авторов и стран, а составителям обеспечит оперативный обмен информацией по новым текстам, авторам, концептам и сделает возможным включение мультимедийного контента.

Другим возможным способом оформления материалов исследований представляются тематические выпуски словаря-справочника, репрезентирующие ядро концептосферы, образы других стран (Франции, Сербии и др.) и конкретных городов (Парижа, Праги, Харбина, Пекина и др.), а также российских городов (Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Иркутска и др.), исторических личностей (Сусанина, Петра I, Николая II, Колчака, Сталина и др.) и т.д.

Таким образом, проведенное сопоставление основных положений методики преподавания русского языка как иностранного со структурой

создающегося словаря-справочника позволяет сделать вывод: комплексная информация о концептосфере белогвардейской культуры, репрезентируемая словарем-справочником, способствует формированию транскультурных компетенций у иностранных учащихся, а творческий подход к ней позволяет решать конкретные задачи на основе поэтического творчества белогвардейцев – новом материале, обладающем рядом преимуществ.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Отмеченные в ходе исследования особенности лексикографируемого материала послужили основой для разработки метаязыкового описания словаря-справочника и нашли отражение в его специфике.

Описание особенностей структуры словарно-справочного источника и его сопоставление с основными положениями методики преподавания русского языка как иностранного сделали возможным создание методических рекомендаций по использованию ресурсов словарно-справочных статей в языковом учебном процессе.

Важным достоинством создающегося источника является возможность его использования как самим иностранным студентом, так и преподавателем.

Материалы словаря-справочника представляют комплексную информацию об описываемых единицах, которая способствует постижению смыслов, характерных для русской языковой картины мира, а также самих особенностей национального характера и духовного мировосприятия носителей русского языка, без чего невозможна полноценное включение иностранца в межкультурную коммуникацию.

Таким образом, не будучи учебным, словарь-справочник «Концептосфера белогвардейской культуры» может быть активно использован в учебном процессе при формировании у иностранных учащихся транскультурных компетенций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования решены следующие задачи.

1. Выявлены составляющие концептосферы белогвардейской культуры, отраженные в поэтических текстах поэтов-белогвардейцев. Определена организация концептосферы: концепты распределены по их принадлежности к ядру, приядерной части и периферии, что нашло графическое отражение в Приложении 1; дана общая характеристика концептов каждой части. Доказано, что ядро концептосферы значимо для выявления ценностной ориентации представителей Белого движения, а приядерная часть и периферия – для разработки модели семасиологического словаря-справочника.
2. Для разработки модели выбраны концепты «Ледяной поход», «Екатеринбург» и «Китай». Обоснованы причины их выбора как с точки зрения лексикографирования (описание концептов приядерной и периферийной части, имеющих свою специфику из-за связи с другими концептами разных уровней), так и с точки зрения значимости в аспекте русского языка как иностранного (страно- и регионоведческий потенциал концептов, ориентир на национальный состав учащихся).
3. Изучены языковые средства репрезентации выбранных концептов в текстах белогвардейцев, представлено сематическое описание и интерпретация актуальных смыслов, в которых реализуется каждый из выбранных концептов: выявлено 3 актуальных смысла у концепта «Ледяной поход» ('поход белой армии', 'символ Белого движения', 'Голгофа, символ страданий'), 3 актуальных смысла у концепта «Екатеринбург» ('тюрьма, место заточения и каторги для Царской семьи', 'святое место', 'место смерти Царской семьи, царская Голгофа') и 6 актуальных смыслов у концепта «Китай» ('страна', 'символ многовековой культуры', 'чужбина, пристанище белоэмигрантов', 'место страданий', 'место спокойствия и блаженства, рай', 'вторая родина'); все смыслы подтверждаются в текстах языковыми

семантическими дублетами. Семасиологическое описание и интерпретация перечисленных смыслов позволяет говорить о культурологической значимости концептов белогвардейской культуры, их тесной связи с русской культурой в целом, выражающейся как в репрезентации актуальных смыслов посредством ресурсов самих слов, так и подключением к их формированию значимой культурной информации (фоновых знаний и культурных кодов).

4. На основе результатов проведенного исследования разработана модель словаря-справочника; оформлены 3 пилотные словарно-справочные статьи, представленные в Приложениях 2–4. Описана макро- и микроструктура словаря-справочника и возможности использования его ресурсов в практической деятельности в языковом учебном процессе, основанные на сопоставлении структуры словарно-справочной статьи с положениями методики преподавания русского языка как иностранного.
5. Результатом проделанной работы стали следующие наблюдения и выводы.
6. В словарно-справочных статьях фиксируется процесс экспликации информации, присутствующей в текстах в скрытом виде, и описание актуальных смыслов активно задействует фоновые знания и культурные коды, что в совокупности позволяет говорить о создающемся словаре-справочнике как источнике дополнительных транскультурных знаний, делающих возможным вхождение иностранца в мир иной национальной культуры, его включение в кросс-культурную коммуникацию.
7. Семасиологический словарь-справочник может быть использован как иностранцем в его самостоятельной деятельности (профессиональной и учебной), так и преподавателем при подготовке к занятиям, что свидетельствует о его лингвокультурологическом и лингводидактическом потенциале.
8. Расширить возможности как для подготовки полного словаря-справочника, так и для его использования в практической деятельности способна его разработка в виде электронного ресурса: это обеспечит оперативный обмен информацией и сделает возможным включение мультимедийного контента,

а также позволит представить быстрый доступ к словнику, набору цитатного материала и т.д.

9. Включение под специальными словарными знаками перечня авторов и стран, предписываемое особенностями самого материала исследования, представляет интерес с точки зрения изучения Белого движения, ценностной ориентации конкретной группы эмиграции и оценки гносеологической значимости представлений поэтов-белогвардейцев. Источник, содержащий такие сведения, позволяет проследить трансформацию семантики ключевых образов и, посредством этого, вернее интерпретировать картину мира авторов.

Итак, наблюдения и выводы, сделанные в результате проделанной работы, позволяют нам говорить об их соответствии представленной ранее рабочей гипотезе. Результаты, полученные в ходе исследования, значимы для дальнейшего изучения концептосферы белогвардейской культуры и применения словаря-справочника в учебном процессе.

В перспективе возможно интерпретировать другие составляющие концептосферы и, главным образом, ключевые (ядерные) концепты, расширяющие возможности для изучения мировоззрения представителей Белого движения; является значимым и описание концептов, представляющих различные страны и города, что способно существенно повысить страно- и регионоведческий потенциал словаря-справочника.

Целесообразным будет и создание методических разработок по изучению русского языка как иностранного с использованием ресурсов словаря-справочника «Концептосфера белогвардейской культуры», ориентированных на конкретную группу иностранных студентов.

Данная работа, не претендуя на описание всех этих аспектов, отражает лишь самые основные из них, необходимые, как нам представляется, для характеристики создающегося словарно-справочного источника и его возможностей при изучении русского языка как иностранного и при обучении ему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел I. Монографии, статьи

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2002. 256 с.
3. Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гетсби» и его переводов на русский язык): Монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
4. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство РУДН, 2007. 185 с.
5. Бобунова М.А. Русская лексикография XXI века: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 200 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
7. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
8. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М.: Русский язык, 1981. 176 с.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
10. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

11. Волков С.В. Предисловие // Первый Кубанский («Ледяной») поход / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. С.В. Волкова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. С. 3–6.
12. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622.
13. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.
14. Егорычев А.М., Ракишева Г.М., Кретинин А.С. Транскультурная компетентность будущих педагогов как основа формирования нового человека и общества // ЦИТИСЭ. М.: ЦИТИСЭ. 2018. № 3 (16). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36663884_60682351.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
15. Жгулева Ю.А. Концептосфера белогвардейской культуры в аспекте РКИ: регионоведческий потенциал концепта «Екатеринбург» // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании: 3-й молодежный конвент: материалы международ. студ. конф. 14–16 марта 2019 года. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 848–850. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/77969> (дата обращения: 01.12.2019).
16. Жгулева Ю.А. Концептосфера белогвардейской культуры: семасиологический словарь-справочник в аспекте РКИ // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1600 Мб. 11000 экз.
17. Жгулева Ю.А. «Молитва» С.С. Бехтеева в контексте русской истории (лексико-семантический аспект) // Гражданский мир – гражданская война: осмысление и прогнозы: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2

- марта 2018 г. / под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. СПб: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2018. С. 353–356.
18. Жгулева Ю.А. Языковое воплощение и культурологическая значимость концепта «Ледяной поход» белой литературной эмиграции // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.) / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев; Урал. федер. ун-т. Ч. 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 80–84.
19. Зими́на В.Д. Белое движение в годы Гражданской войны: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995. 76 с.
20. Иванов И.Б. Иван Эйхенбаум: солдат и писатель // Эйхенбаум И.А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 279–300.
21. Калягин А.В. Почему я стал белым... (по материалам белогвардейских дневников и мемуаров) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2016. №4. С. 5–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochemu-ya-stal-belym-po-materialam-belogvardeyskih-dnevnikov-i-memuarov> (дата обращения: 02.03.2020).
22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
23. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
24. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. для студ. фак. филол. профиля. М.: URSS, 2009. 352 с.
25. Кодухов В.И. Психологическое направление в языкознании и преподавании русского языка. Ишим: Полиграфия, 1993. 323 с.
26. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.

27. Козырев В.А. Русская лексикография: Пособие для вузов / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
28. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 120 с.
29. Комарова З.И. Методология, метод, методика, технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 820 с.
30. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
31. Кулибина Н.В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М.: Русский язык, 1987. 143 с.
32. Кулибина Н.В. Читаем стихи русских поэтов. Пособие по обучению чтению художественной литературы. СПб: «Златоуст», 1999. 96 с.
33. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи. Ленинград: «Художественная литература», 1974. 288 с.
34. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие. Минск: БГЭУ, 2011. 309 с.
35. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб: БЛИЦ, 1999. 191 с.
36. Макеева Е.В. Словари языка писателей в практике преподавания русского языка и русской литературы иностранным учащимся: из опыта работы // ИРЯ РАН [сайт]. 2018. URL: <http://www.ruslang.ru/node/1500> (дата обращения 10.02.2020).
37. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
38. Новиков Л.А. Значение эстетического знака // Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С.78–87.
39. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001. 191 с.

40. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
41. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 264 с.
42. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
43. Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 74–94.
44. Ружицкий И.В. О возможности использования ресурса Словаря языка Достоевского в преподавании русского языка как иностранного // ИРЯ РАН [сайт]. 2018. URL: <http://www.ruslang.ru/node/1426> (дата обращения 10.02.2020).
45. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 176 с.
46. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания. Монография. Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. 200 с.
47. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 170 с.
48. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.
49. Федулова М.Н. Понятие «Концепт» в когнитивных, семиологических и дискурсивных исследованиях. Статья 1 // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-kognitivnyh-semiologicheskikh-i-diskursivnyh-issledovaniyah-statya-1> (дата обращения: 12.05.2020).
50. Хандорин В.Г. История Белого движения в России: учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 176 с.

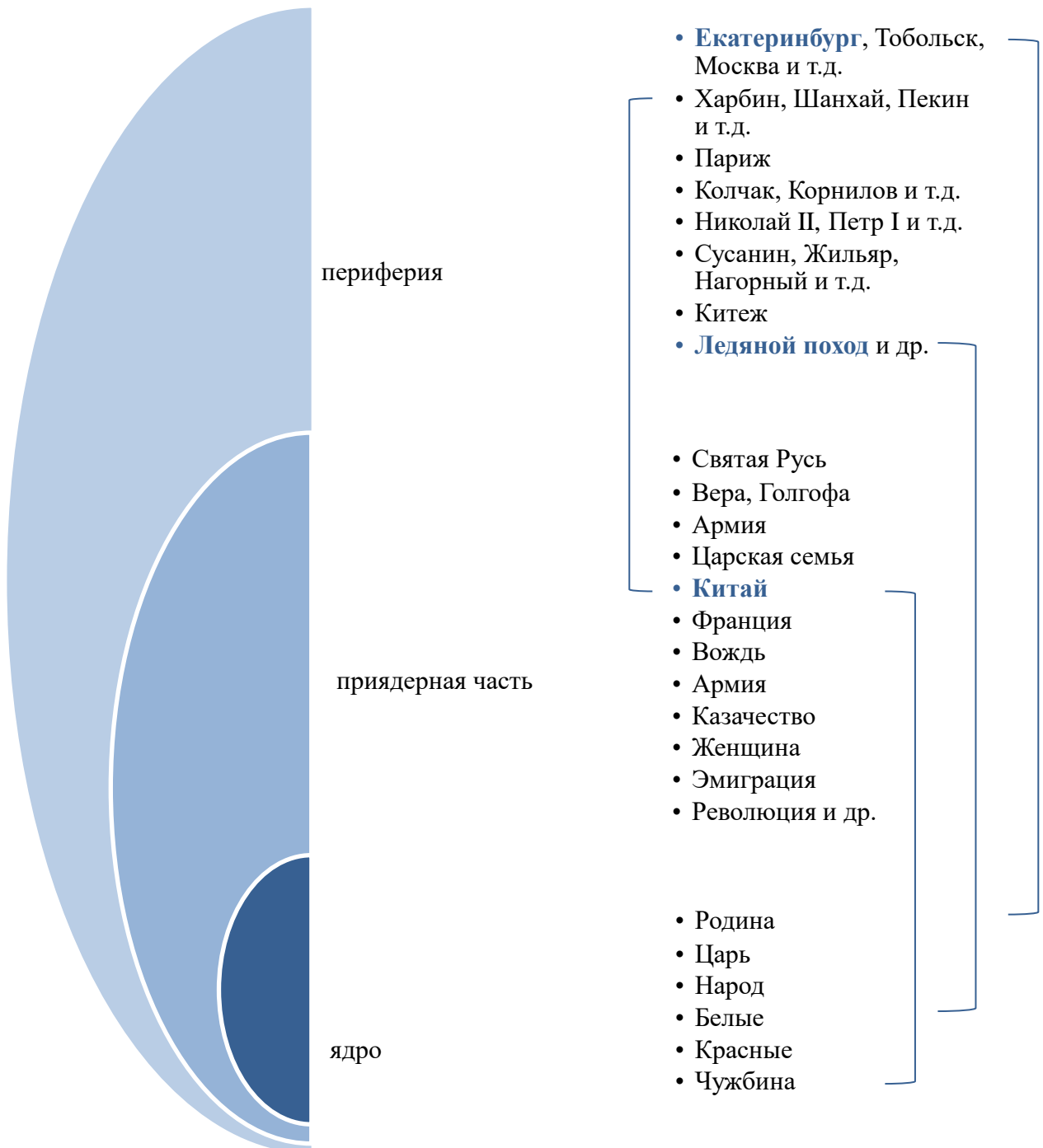
51. Чарыкова О.Н. Индивидуальные концепты в художественном тексте // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С 173–176.
52. Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. 200 с.
53. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 188 с.
54. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
55. Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для иностранных студентов филологических специальностей. СПб.: Златоуст, 2014. 336 с.
56. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973. 280 с.
57. Шмелев Д.Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964. 120 с.
58. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.
59. Эйхенбаум И.А. Слово о Первом Походе // Эйхенбаум И.А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 163–247.

Раздел II. Источники исследования

1. Белый Рассвет / ред.-сост. Е.В. Семенова. М.: ООО «Традиция», 2017. 240 с.
2. Бехтеев С.С. Святая Русь // Невярович В.К. Певец Святой Руси: Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб.: Царское дело, 2008. С. 383–674.
3. Колосова М. Вспомнить, нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / Составитель В.А. Суманосов. Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. URL: http://samlib.ru/s/sumanosow_w_a/mariannakolosowa.shtml (дата обращения: 01.12.2019).
4. Несмелов А. Кровавый отблеск. Стихи. Харбин, 1928. 32 с.

5. Поэты Белой гвардии. Меч в терновом венце: Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бехтеев, Иван Савин, Марианна Колосова / Сост., вст. ст. В.В. Хатюшина. М.: Издательство Московского государственного университета им. М.А. Шолохова, 2008. URL: <http://lux.e-reading.bz/book.php?book=1013457&qid=24814333> (дата обращения: 01.12.2019).
6. Поэты пражского «Скита» / Сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2005. 544 с.
7. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
8. Савин И.И. «Только одна жизнь». СПб.: Русская Ли́ра, 2019. 440 с.
9. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Сост. Л.Н. Белошевская. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
10. Туроверов Н.Н. «Возвращается ветер на круги свои...»: Стихотворения и поэмы / Редактор-составитель Б.К. Рябухин. Биогр. ст. А.Н. Азаренков. М.: Худож. лит., 2010. 416 с.
11. Туроверов Н.Н. Горечь задонской полыни... Поэзия, проза и публицистика / Составитель К.Н. Хохульников. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2006. б/с.

Состав и особенности концептосферы белогвардейской культуры

Образец оформления словарно-справочной статьи

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Под Ледяным походом подразумевается как Первый Кубанский поход (движение с боями Добровольческой армии от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон, проходившее с 9 февраля по 30 апреля 1918 года), так и Великий Сибирский Ледяной поход (отступление Восточного фронта армии адмирала Колчака зимой 1920 года через Сибирь).

Несмотря на то, что походы проходили в разное время и на разных территориях, их многое объединяет. В первую очередь суровые погодные условия, которые и повлияли на возникновение общего для этих походов названия. Внешне идентичны и знаки отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода и Военного ордена «За Великий Сибирский поход»: они представляют собой символ – меч в терновом венце.

Память о походах сохранилась в культуре, что доказывают, например, картины современных художников: «Ледяной поход. Перетерпевшие до конца» А.Н. Ромасюкова, «Великий Сибирский Ледяной поход» С.Э. Чуданова, «Ледяной поход» Д.А. Шмарина и др.

1. Ледяной поход как поход белой армии. Актуальный смысл подкрепляется в творчестве белогвардейцев как самим названием похода, отсылающим к конкретному историческому событию, так и его реалиями, указывающими на место, время и условия похода, а также действующих лиц и т.п. (для Первого Кубанского похода: «*ехать для борьбы к Корнилову на Дон*», «*холодные туманы*», «*снежные хребты*» («Два письма», 1925) и др. у С.С. Бехтеева; «*смерть нашел в степях Корнилов, / Едва покинув гроб Каледина*» («Февраль», 1953), «*В снегах корниловской Кубани*» («Париж», 1928) и др. у Н.Н. Туроверова; для Великого Сибирского Ледяного похода: строки из посвящения «*Доблестной Нечаевской Армии*» и «*Рыцарям Ледового Похода*», «*Мороз. Байкал. Леса*» («Понужай-ай») у Марианны Колосовой; «*Отшумел Ледяной поход!*», «*Позабыли Татарск и Ачинск – / Городишки одной межю – / Как от взятия и до сдачи / Проползала сквозь сутки жизнь*», «*И разбилась фаланга Каппеля / О бетон крепостных ворот*» («Леонид Ещин») у Арсения Несмелова). Заметим, что единицы, обозначающие эти реалии (главным образом собственные наименования), входят в тематическую группу «Белые» («Корнилов», «Каледин», «Ледяной поход» и др. (см. [2], БЕЛЫЕ [1], ВОЖДЬ [1], [2])).

~ С.С. Бехтеев ( ) , Марианна Колосова (Р.И. Виноградова) (, ,) , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) , Н.Н. Туроверов

┌ Л.Е. Ещин (в стихотворении «Таежный поход», поэт, вероятно, обращается к теме Сибирского Ледяного похода, участником которого он являлся: *«И нешим идучи по льду / Упорно-гулкого Байкала, / Я знал, что если не дойду, / То горя, в общем, будет мало», «А я останусь замерзать / На голом льду, нагой перине, / И не узнает моя мать, / Что на Байкале сын застынет»*).

┌ В.М. Лебедев (в третьей главе своей «Поэмы временных лет» (1928) участник Добровольческой армии пишет: *«...И внуки просто скажут: Крым, / И с равнодушием – Корнилов...»*. Несмотря на отсутствие описания самого Ледяного похода, эти строки указывают на Л.Г. Корнилова и предполагают противопоставление: внуки скажут о нем с равнодушием, но участник белой борьбы к событиям, связанным с этим именем, неравнодушен).

┌ Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) (вероятно, в стихотворении «У карты») речь идет о Сибирском Ледяном походе: *«Мы отползали, / Задом пятясь, / Уже Урал отдав врагу. / Его коричневая стража / Ушла на запад. / Топором / Упала мощь гиганта — кряжа... / Челябинск пал. / Оставлен Омск... / Вздыхает. / Низменность Сибири / И Забайкалье, / Как массив, / Но и отсюда летом сбили, / Победой сопки огласив...»*).

┌ Н.Н. Туроверов (будучи донским казаком, поэт обращался в своих текстах к реалиям и Степного похода, проходившего одновременно с Ледяным на близлежащей территории, из-за чего эти реалии в его текстах накладываются друг на друга: *«Над Ледяным и над Степным походом / Был тот же ветер. Снежная земля / Вела единственным, неповторимым ходом / Нас в белые просторы февраля»* («Февраль», 1953), «Задонье», «седая февральская мгла», «дымящийся гребень сугроба», «в морозных ночах», «восемнадцатый год» («Не выдаст моя кобылица...», 1931), «...в февральскую пургу, / Дети шли в сугробах по колено / Умирать на розовом снегу», «сумасшедший ветер» («Эти дни не могут повторяться...», 1931) и т.д.

2. Ледяной поход как символ Белого движения. Название похода и его реалии, служащие для формирования актуального смысла [1], формируют и рассматриваемый актуальный смысл, который также связан с историческими фактами; на языковом уровне подкрепляют его и единицы тематической группы «Белые» («Корнилов», «белая мечта» («Два письма», 1925) у С.С. Бехтеева; «Корнилов» («Февраль», 1953), «восемнадцатый год» («Не выдаст моя кобылица...», 1931) у Н.Н. Туроверова и др. (см. БЕЛЫЕ [1], ВОЖДЬ [1], [2])). Заметим, что Н.Н. Туроверов в стихотворении «Февраль» (1953) подчеркивает особое значение этого месяца для участников похода: *«С тех пор февраль наш – драгоценный месяц. / Кто уцелел – его не позабыл»*. Не случайно и участник белой борьбы на юге России И.А. Эйхенбаум в своих воспоминаниях о Гражданской войне сознательно касается только

одного ее эпизода – Ледяного похода, считая его центральным событием белой борьбы и «коллективной Голгофой XX века» (см. [3], ГОЛГОФА [4]). Об окончании похода он писал: «Им и символически, и фактически была сохранена российская государственность и выявлено гражданское лицо ее защитников. Была воздвигнута белая идея – добровольчество – бескорыстное служение Родине, беспредельная любовь и жертвенность» (см. [3]).

~ С.С. Бехтеев ( ) , Н.Н. Туроверов

┌ Марианна Колосова (Р.И. Виноградова) (, ,) (поэтесса неоднократно обращалась к судьбе русской эмиграции (см. ЭМИГРАЦИЯ [2]), и Ледяной поход являлся для нее ключевым событием, представляющим судьбу белогвардейцев: «Благодарю за эту жизнь простую, / Суровую, как Ледяной Поход!» («За эту жизнь...», 1936); «Устали от жителя унылого, / От горьких и голодных дней, / Но тень погибшего Корнилова / Нам стала ближе и родней» («Путем героев»)).

┌ В.М. Лебедев (см. [1]).

3. Ледяной поход как Голгофа, символ страданий. На жертвенность борцов, а также трудности и лишения похода в стихотворениях белогвардейцев указывает обилие слов тематической группы «Страдание»: «...*Оплакав родину с ее кровавой тризной, / Я смело говорю, пройдя пучину бед, – / Пред Богом, пред Царем, пред гибнущей отчизной / Я выполнил последний свой обет. / Тому свидетели холодные туманы, / Ледяной поход и снежные хребты, / Мои глубокие залеченные раны, / Одежды рваные и муки нищеты. / И скорбь души, и мой венец терновый, / Лишенья горькие междуусобных битв, / И злой обман, и жребий мой суровый, / И слезы жгучие полуночных молитв...*» (С.С. Бехтеев, «Два письма», 1925). Входящие в нее слова с общими эксплицитными либо имплицитными семами 'несчастье', 'тяжкое', 'боль' («обрекшись на скитанья», «пройдя пучину бед», «глубокие залеченные раны», «муки нищеты», «скорбь души», «венец терновый», «лишенья горькие междуусобных битв» («Два письма», 1925) и др. у С.С. Бехтеева; «было нам плохо, и станет нам хуже», «Свобода еще с Ледяного похода / Для нас неразлучна с бедой» (Никто нас не вспомнит, о нас не потужит...», 1948), «сквозь дым, чрез муки, пытки и гроба» («Февраль», 1953), «О добровольческой Голгофе» («Париж», 1928) и др. у Н.Н. Туроверова; «Благодарю за эту жизнь простую, / Суровую, как Ледяной Поход!» («За эту жизнь...», 1936), «О, страшный путь! Мороз. Байкал. Леса. / А лошади совсем повыбились из сил...», «Смятенье сильных душ! Сплетенье многих воль... / Как передать в моих коротеньких строках / Изгнанников тоску и побежденных боль? / Обида глубока, и в каждом сердце стон, / И в каждом сердце страх кричит: не отставай!..» («Понужай-ай») у Марианны Колосовой); к тому же суровые погодные условия, в которых проходил поход, позволяют нам говорить о включенности

соответствующих единиц («метель», «морозные ночи», «суровый иней», «февральская пурга» и др.) в тематическую группу «Страдание» (см. ЗИМА [3], [4]), а также слова тематической группы «Смерть» с их общими семами ‘конец’, ‘небытие’ («она погибла, “белая мечта”», «кровавая тризна», «гибнущая отчизна» («Два письма», 1925) и др. у С.С. Бехтеева; «смерть нашел в степях Корнилов», «следы непрошенных могил» («Февраль», 1953) и др. у Н.Н. Туроверова; «...Вечерний крепнущий мороз / Дыханьем смерти оведал сибирский край» («Понужай-ай») у Марианны Колосовой), тематической группы «Бедность, обездоленность» с общими семами ‘нищенский’, ‘малоимущий’ («с кульком, в шинели без погон», «одежды рваные и муки нищеты» («Два письма», 1925) и др. у С.С. Бехтеева; «...блеск тускловатый погона / На хрупких, на детских плечах», «Мы отдали все, что имели, / Тебе, восемнадцатый год» («Не выдаст моя кобылица...», 1931) и др. у Н.Н. Туроверова) и тематической группы «Судьба, рок» с негативной оценочностью («жребий мой суровый», «удары тяжкие безжалостной судьбы» («Два письма», 1925) и др. у С.С. Бехтеева; контекстный анализ позволяет включить в рассматриваемую тематическую группу сочетания «Что теперь мы можем и что смеем?» («Эти дни не могут повторяться...», 1931), «Никто нас не вспомнит, о нас не потужит; / Неспешной водой протекают года. / И было нам плохо, и станет нам хуже, – / Покоя не будет нигде, никогда...» (Никто нас не вспомнит, о нас не потужит...», 1948) и др. у Н.Н. Туроверова) служат для формирования рассматриваемого актуального смысла (см. также ГОЛГОФА [4]). Заметим, что семы, формирующие этот актуальный смысл (‘тяжкое’, ‘лишенное комфорта’, ‘затруднительное’), в семантическом потенциале словосочетания «Ледяной поход» в языке имплицитны. Под влиянием контекстных семантических дублетов – единиц, содержащих выраженные близкие компоненты, эти семы в словосочетании эксплицируются. Кроме того, сам знак Ледяного похода, меч в терновом венце, объединяет в себе два понятия – война (меч как символ войны) и страдальца (терновый венец как символ страданий).

~ С.С. Бехтеев ( ), Марианна Колосова (Р.И. Виноградова) (, , , Н.Н. Туроверов

► Один из сборников стихотворений поэтов-белогвардейцев носит название «Меч в терновом венце» (2008, сост., вст. ст. В.В. Хатюшина), которое соответствует наградному знаку, ставшему символом Белого движения.

► В сборнике «Белый Рассвет» (2017), изданном к столетию Белого движения, представлен ряд стихотворений, посвященных Ледяному походу и лицам, с ним связанным: «В годовщину начала 1-го Кубанского (Ледяного) Похода» (Лаура Цаголова); «Памяти корниловцев», «Памяти генерала Л.Г. Корнилова», «Памяти участников Ледяного похода»

(Кирилл Ривель); «Ледяной поход», «Первый Кубанский», «Капелевцы», «Сибирская Голгофа» (Елена Семенова); «Героям “Ледяного похода”» (Александр Степанков); «Ледяной поход», «Сибирский поход» (Дмитрий Кузнецов) и др.

На обложке сборника представлен символ Ледяного похода – меч в терновом венце.

Образец оформления словарно-справочной статьи

ЕКАТЕРИНБУРГ

Екатеринбург (с 1924 по 1991 год – Свердловск) – город в России, административный центр Уральского федерального округа и Свердловской области; крупнейший культурный, научно-образовательный центр Урала. На формирование его образа наравне с горнозаводской мифологией (изначально ключевой для города) и пограничной, связанной с нахождением на границе Европы и Азии, повлиял и «царский миф», связанный с пребыванием в городе Царской семьи – фактом, имеющим особое значение в поэзии представителей Белого движения.

1. Екатеринбург как тюрьма, место заточения и каторги для Царской семьи.

Историческим фактом стало пребывание Царской семьи на Урале в качестве ссыльных, и в формировании указанного актуального смысла, который тесно связан с соответствующим актуальным смыслом концепта «Тобольск» (см. ТОБОЛЬСК [1]; это позволяет говорить о восприятии городов как единого удаленного, труднодоступного места), участвуют слова и сочетания, имеющие общие семы 'несвобода', 'изолированность': «*Пытались ли Его из каторги спасти?*» (С.С. Бехтеев, «Царский крест», 1922), «*заслали Царя в труппу*» (А.И. Несмелов (Митропольский), «Цареубийцы»), «*заточенья дни*» (М.Ц. Спургот, «17 июля»). Показательно, что единицы, формирующие этот смысл, имеют и имплицитные семы 'лишение', 'страдание', характеризующие сами условия пребывания царственных узников в ссылке.

~ С.С. Бехтеев ( ) , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) ,
М.Ц. Спургот ()

2. Екатеринбург как святое место. Поэт С.С. Бехтеев, лично знавший Царскую семью, переслал ей в Тобольск несколько своих стихотворений: уже в этих текстах поэт отмечает святость Царской семьи (см. ТОБОЛЬСК [1], [2]), наиболее же активно он делает это после ее смерти («*Святой Семьи страдания и муки*» («Царский крест», 1922), «*Одни с молитвами своими, / С великой правдой на челе, / Они ушли от нас святыми, / Как жили с нами на земле*», «*Но сохранят веков скрижали / Святых Страдальцев Имена*» («Цареубийцы», 1921); так, в текстах отмечается обилие слов тематической группы «Святое», служащих для формирования рассматриваемого актуального смысла) (см. [3], ЦАРЬ [3]). Кроме того, одно из этих стихотворений – «Молитва» (1917), было найдено следователем

Н.А. Соколовым среди вещей расстрелянной Царской семьи; авторство долгое время приписывалось княжне Ольге Николаевне и даже государыне Александре Федоровне; стихотворение до сих пор воспринимается как духовное завещание святой Царской семьи, позволяющее убедиться в духовной высоте царственных мучеников. Так, об их пребывании в Екатеринбурге историк П.В. Мультиатули пишет: «Заключенные в душные комнаты Ипатьевского дома, окруженные злобными надсмотрщиками, каждый день ожидая смерть, Они ни разу не возроптали, ни разу не сказали ни единого худого слова в чей-либо адрес. В ответ на грубость, злобу и издевательства Они пели духовные распевы, добрые русские песни, читали Евангелие, молились». Таким образом, связанный с пребыванием святой Царской семьи, а также ее мученической смертью (см. [3]), Екатеринбург в творчестве белогвардейцев сам становится святым местом. Кроме того, на месте разрушенного дома впоследствии был возведен Храм-на-Крови, план которого был наложен на план снесенного дома, а территория, прилегающая к храму, получила официальное название «Святой квартал», что говорит о закреплённости образа в культуре.

~ С.С. Бехтеев ( )

∫ Н.К. Завадская (формирование актуального смысла происходит только под влиянием [3], в импликации)

∫ Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) (формирование актуального смысла происходит только под влиянием [3], в импликации)

∫ М.Ц. Спургот ( ) (формирование актуального смысла происходит только под влиянием [3], в импликации)

3. Екатеринбург как место смерти Царской семьи, царская Голгофа. В подвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге Царская семья была расстреляна, и белогвардейцы неоднократно обращались к теме цареубийства в своем творчестве (стихотворение с названием «Цареубийцы» есть у С.С. Бехтеева и А.И. Несмелова (Митропольского), а описание событий 17 июля 1918 года нашло отражение в текстах Н.К. Завадской («Ночь на 17 июля», 1943) и М.Ц. Спургота («17 июля»). Так, Арсений Несмелов в стихотворении «Пели добровольцы. Пыльные теплушки...» выражает чувства при известии о смерти императора, близкие многим борцам Белого движения: «...*В каждом сердце – словно всех пожарниц гарь. / В Екатеринбурге, никни головою, / Мучеником умер кроткий Государь. / Замирают речи, замирает слово, / В ужасе бескрайнем поднялись глаза. / Это было, братья, как удар громовый, / Этого удара позабыть нельзя...*». Трагическая гибель Романовых в Екатеринбурге стала для города историей, окруженной множеством загадок и

догадок, повлиявших на формирование самого его образа (см., например: «...*Прошли года. От тех времен / Осталось мало что знакомо, / Но тайной страшной окружен / Подвал Ипатьевского дома. / И как легенда говорит, – / Ее народ весь повторяет, – / Теней загробных грозный вид / Там часто сторожей пугает. / Они приходят по ночам – / Так повествуется в народе, – / И с ними Император сам / Со всей Семей своей приходит. / И там, колени преклоня, / Так, как и прежде, в дни былые, / Он молится – не за себя, / А о спасении России!*» (М.Ц. Спургот, «17 июля»)). Помимо Храма-на-Крови, ставшего визуальной частью имиджа Екатеринбурга, одним из самых посещаемых паломниками и туристами мест стал и Храмовый комплекс Ганина Яма, возведенный на месте шахты, куда были сброшены тела убитых. Именно это место изображает С.С. Бехтеев в стихотворении «Цареубийцы» (1921), которое можно считать пророческим: «...*На месте том, где люди злые / Сжигали Тех, Кто святы нам, / Поднимет главы золотые / Победоносный Божий Храм. / И, Русь с небес благословляя, / Восстанет Образ неземной / Царя-Страдальца Николая / С Его замученной Семей*». Во многих текстах, в которых отражается судьба Царской семьи, возникает и образ несения креста (например, «*Вы помогли ль Ему, как преданные слуги, / Тяжелый Крест по торжищам нести?*» (С.С. Бехтеев, «Царский крест», 1922), «*Дай крепость нам, о Боже правый, / Злодейства ближнего прощать / И крест тяжелый и кровавый / С Твоею кротостью встречать*» (С.С. Бехтеев, «Молитва», 1917)), подразумевающий (в связи с библейской историей) стоическое перенесение испытаний, готовность принять страдания, муки. Более того, в поэзии С.С. Бехтеева Голгофа как холм близ Иерусалима, где, по христианскому вероучению, был распят Иисус Христос, соотносится с Россией (см. РОДИНА [6]) и ее расстрелянным правителем (см. ЦАРЬ [3]). Отсюда и восприятие Екатеринбурга и самого Ипатьевского дома как Голгофы (см. ГОЛГОФА [3]) («*Голгофа Царского страданья / Была тобою пройдена, / И злоба буйного восстанья / Твоим Крестом побеждена*» (С.С. Бехтеев, «Царский крест», 1938); «*Замыкаешь ли, дом Ипатьев, / Некий давний кровавый путь?*» (А.И. Несмелов, «Цареубийцы»)). Закрепленное в языке значение слова «Голгофа» (место страданий, а также сами эти страдания) позволяют назвать соответственно и Тобольск (см. ТОБОЛЬСК [3]), однако в полном смысле слова (связь с библейским интертекстом, провоцирующим представление о городе как о месте казни Спасителя-царя) Голгофой может именоваться только Екатеринбург.

~ С.С. Бехтеев , , , Н.К. Завадская , Арсений Несмелов

(А.И. Митропольский) , М.Ц. Спургот ().

► Стихотворение С.С. Бехтеева «Молитва» используется во многих книгах, посвященных Царской семье, а также в выставочных материалах, в том числе и в Храме-на-Крови.

Кроме этого, стихотворение широко распространено как устно-поэтический духовный текст, о чем свидетельствуют фольклорно-краеведческой практики, проходившие в деревнях и поселках Елецкого района: стихотворение сохранилось в народной памяти, поскольку оно передает душевное, моральное состояние людей переломной эпохи. Именно поэтому текст может рассматриваться и как духовное завещание Царской семьи, и как молитва любого человека, пережившего революции и войны. Подтверждение этой мысли находим на языковом уровне: в стихотворении сочетание прямого и переносного значений слов «пытка» и «палач» соотносится, с одной стороны, с образом убитой Царской семьи (прямые значения слов, вызывающие ассоциацию с конкретной смертной казнью, убийством), с другой – с образом людей этой эпохи в целом и их страданиями.

Этот текст нашел отражение и в советском кинематографе: в художественном фильме «Восточный рубеж» (1982 года), являющемся третьим фильмом телевизионного сериала «Государственная граница», звучит стихотворение С.С. Бехтеева с незначительными разночтениями, отмечающимися и в народном варианте стихотворения (употребление «бурных» вместо «буйных», «страшный» вместо «смертный» и «народные гоненья» вместо «народное гоненье»).

Начальные строки бехтеевской «Молитвы» («Пошли нам, Господи, терпенье / В годину буйных, мрачных дней») приводятся в стихотворении «Выбор» современного автора Дмитрия Кузнецова («Белый Рассвет», 2017).

Образец оформления словарно-справочной статьи

КИТАЙ

Китай (Китайская Народная Республика) – государство в Восточной Азии; крупнейшее по численности населения государство мира. Его культура является одной из самых древних и самобытных.

Китай стал второй родиной для многих белоэмигрантов, тесно познакомившихся с культурой принявшей их страны, а русскую литературу Китая справедливо считают отдельной ветвью богатейшей словесности зарубежья.

1. Китай как страна. Представление о Китае как о стране соотносится с его общегеографическими, политическими, социально-экономическими, культурно-историческими (см. [2]) и иными особенностями. Так, поэты в произведениях обращаются к самому названию страны («Стихи о Китае» («Над широкою желтой рекою...»), «Стихи о Китае» («Помню дымки от походных жаровень...») у Михаила Волина; «Песенка о Китае» (1930-е гг.) у Александры Серебренниковой и т.д.), к этнонимам («китаец», «китаянка», «китайчата» и др.), к названиям отдельных городов и районов («Девушке из Сучжоу» у Николая Светлова; «Сянтаньчэн» (1948), «Чжунхай» (1943), «Пекин», «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» (1943) у Валерия Перелешина; «Харбинская весна» у Виктории Янковской; «Пекин», «Шанхайское захолустье» у Ольги Скопиченко; «Пекин» у Марии Коростовец; «Стихи о Харбине» у Арсения Несмелова; «Город Харбин» у Варвары Иевлевой; «У Фудзядяна» у Венедикта Марта; «О, сунгарийская столица!..» у Василия Логинова и т.д.; см. ПЕКИН [1], ШАНХАЙ [1], ХАРБИН [1]), рек («Сунгари», «*кружит птица над Вампу*» («Барабанная дробь», 1932) у Алексея Ачаира; «На Сунгари» у Василия Логинова и т.д.); подкрепляют этот смысл и другие единицы, являющиеся референтами концепта «Китай»; наиболее полное отражение всех указанных особенностей можно обнаружить в следующих актуальных смыслах (см. [3], [4], [5], [6]).

~ Н.Н. Алл (,) , С.Я. Алымов (,) , Л.Н. Андерсен (,) ,
Т.П. Андреева (,) , А.А. Ачаир (Грызлов) (,) , К.В. Батулин (, ,) ,
Борис Бета (Б.В. Буткевич) (,) , М.Г. Визи (,) , Михаил Волин
(М.Н. Володченко) (, ,) , Б.Н. Волков (,) , Георгий Гранин

(Г.И. Сапрыкин) , Л.В. Гроссе (, ,) , Елена Даль (Е.Ф. Плаксеева) ,

Л.Е. Ещин , В.Н. Иванов (,) , В.Н. Иевлева (,) , Ф.Л. Камышнюк (,

) , Колосова Марианна (Р.И. Виноградова) , , ,) , М.П. Коростовец (,) , Ю. Крузенштерн-Петерец (, ,) , Нора Крук (Н.М. Кулеш) (,

) , Ирина Лесная (И.И. Лесевицкая) (,) , В.С. Логинов (,) , Венедикт Март (В.Н. Матвеев) (,) , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) ,

И.Т. Орлова (,) , А.П. Паркау (,) , В.Ф. Перелешин (Салатко-Петрище) (,) , Е.Н. Рачинская (, ,) , Г.Г. Сатовский , Николай Светлов (Свиньин) (,) , А.Н. Серебренникова (,) , О.А. Скопиченко (, ,

) , М.Ц. Спургот (,) , Эмма Трахтенберг (,) , Л.И. Хаиндрова (Хаиндрава) (,) , Н.Д. Шилов , М.П. Шмейссер (,) , Н.А. Щеголев (,) , М.В. Щербаков (,) , В.Ю. Янковская (, , ,) , Е.Е. Яшнов

2. Китай как символ многовековой культуры. Многовековая культура Китая является одной из самых ярких особенностей местного национального сообщества, и белоэмигранты активно переосмысливают самые различные ее проявления в своих текстах. Выражается это в упоминаниях: 1) реалий китайского быта (культура повседневности) («*Мы будем пить пиво / в китайской лавчонке, / где фрукты и гвозди / лежат меж сладостей. / Смотри, как красиво / у острова джонки / слепились, как грозди, / в ажуре сетей!..*» («В фруктовой лавчонке», 1938) у Алексея Ачаира; «*фанзы на сваях*», «*Дракон на крыше, загнувший хвост, / Старится год от году*», «*Императорский мост хранит / Легенды тысячелетий*» («В пути», 1930) у Кирилла Батурина; «*И в фанзе поселиться там, / Где часты переплеты рам; / Бумага в них, а не стекло*», «*Свинину палочками есть / И чаем горьким запивать; / Потом курить и рисовать, / Писать на шелке письма...*» («Маньчжурские ямбы», 1923) у Бориса Беты; «*Открывались маленькие лавчонки / под старинной городской стеной. / Продавали нитки и булавочки, / торговали чаем и ханой*», «*отдыхали в праздник под бамбуками / возле желтой речки за горой*» («Память о Пекине», 1976) у Марии Визи; «В китайском павильоне» у Бориса Волкова;

«Погляди, погляди, оживает китайский профессор / На аптечном плакате на дальней кирпичной стене! / У него на груди иероглиф и холодные желтые руки...» («В переулочек пустынный, где серо и душно от пыли...») у Михаила Волина; «В селе Зо-Сэ, у вод канала, / Где зеленеет юный рис...» («Два храма», 1930) у Льва Гроссе; «В этой фанзе так душно и жарко» («Про Москву»), «Даруй фанзу, курму и чифан / В той стране, что хранима драконами» («Беженец») у Леонида Ещина; «над круглой кадкой круглые пельмени», «Два желтых мужика едят из чашек рис» («Харчевка», 1929), «Фонарь из пузыря», «Дракон, извившийся своею узкой тушей» («Дракон») у Всеволода Иванова; «Химера из серого грузного камня / На старой китайской изогнутой крыше» («Химера») у Варвары Иевлевой; «Нельзя по-чужому молиться / И быт неродной полюбить» («Рождество на чужбине») у Марианны Колосовой; «...бегущего рысцой рикшу», «И Фудзядяна смрадный запах / От опия и от бобов...» («О, сунгарийская столица!...») у Василия Логинова; «Город ярких крыши, / Над тобою цепь столетий...» («Пекин») у Марии Коростовец; «чуть шершавая память китайской одежды» («Я хочу, чтобы память осталась в ладонях...», 1957) у Норы Круж; «С косичкой тонкой на макушке / Поет бродяга-китайчонок» («У моря») у Венедикта Марта; «А в деревнях у детворы / Раскосой, с ленточками в косах...», «У пожилых степенных манз / Идет беседа о посевах, / И свиньи черные у фанз...» («Наша весна»), «Какой глухой, какой средневековый / Китайский этот постоялый двор» («Из китайского альбома») у Арсения Несмелова; «И в фаянсовых посудах чай лянсин...» («Лайфу») у Изиды Орловой; «...упал в страну шелков, и чая, / и лотосов, и вееров» («Три родины») у Валерия Перелешина; «Китая бедный сын, оборванный и грязный, / Едва прикрыты бронза, нагота... / На голове лоскут, убор своеобразный...» («Лотос») у Елизаветы Рачинской; «мелькающие джонки» («Девушке в кимоно») у Николая Светлова; «Китаянки столпились у лавочки – / Оживленный ведут разговор, / Вместо ног у них тонкие палочки, / И в прическах прилизан пробор», «За прилавком купцы полуголые / Бесконечно играют в маджан, – / И у входа в харчевку грошовую / Цедят пиво в немый стакан», «Окна рваной бумагой заклеены, / И лохмотья торчат из дверей», «Пробирается к носу настойчивый / Запах масла, жаровен, бобов» («Шанхайское захоlustье») у Ольги Скопиченко; «И странной радостью напоен / Мой каждый в быт Китая взгляд!» («Сижу с китайцами в харчевнях...») у Михаила Спургота; «Иероглифы, тряпки, знаки, / Лавчонок с чем-то чайный ряд», «фонарь китайский у дверей» («В Маньчжурии», 1920-е гг.) у Евгения Яшнова и т.д.); 2) особенностей менталитета («Китаец – вечный мистик» («Казнь») у Всеволода Иванова; «Не дружит с усмешкой веселой, / Не любит беседы пустой» («Гряды») у Арсения Несмелова; «Китаец – мастер зевак звать» («На улице») у Николая Светлова; «...В строгом взоре / Мудрость предков и покой земли» («Китайская пашня», 1940) у Лидии Хаиндровой и т.д.); 3) обычаев и традиций («В его косе вплетен шнурочек белый – /

Знак траура по близком человеке («У Фудзядяна»), «У него сегодня радость: / Смастерил сыночек / В праздничный денечек / Ему гроб украдкой» («Три души»; если старику перед смертью сын смастерит гроб, растроганный отец будет благодарить богов за столь почтительного сына) у Венедикта Марта; «В синих плосках клейкие пельмени, / Убраны дракончиками нары», «Шепчут глухо, быстро и бесстрастно / Заклинанья древние старухи» («Лунный новый год») у Александры Паркау; «Это лихо в барабаны / От вина и шума пьяный / Бьет китайский весь народ, / Провожая старый год», «Это духов злых и вредных / От своих фанзешек бедных / Гонит прочь китайский люд» («Новый год Китая») у Николая Светлова и т.д.); 4) религии («священные древние храмы» («Ханьчжоу», 1939), «буддийская вечность» («В фруктовой лавчонке», 1938) у Алексея Ачаира; «Величавые громады / Храмов и дворцов» («Пекин») у Марии Коростовец; «Храм с девятнадцатью буддами» («В Китае») у Арсения Несмелова; «Высокая белая лестница к башне / В кумирню великих богов», «И Будда под яркой узорною крышей» («Пекин») у Ольги Скопиченко; «Заходим в храм пустой и скромный», «Сюда, приветливо взирая, / Вся золоченая, Гуаньинь / Сошла для нас от кущей рая...» (китайская богиня милосердия) («Хусиньтин», 1951) у Валерия Перелешина; «Я уходил под своды древних храмов, / Где, в свете свеч, пред золотым Майтрейей / В тумане филмиама дремлют ламы, / Рыдает гонг, и жертвенник алеет. / Я там искал Сторукую богиню, / Ту, у которой бронзовое тело...» («Сторукая», 1933) у Николая Светлова; «Обрюзгший бог, скрестивши ноги, спит», «Пока он спит, медлительные бонзы, / Сжигают свечи, ударяют в гонг. / Но замер он, весь вылитый из бронзы, / Под медленно струящийся дифтонг» («Ми-син», 1931) у Тамары Андреевой; «Смеется надо мною желтый Будда» («Горсть земли», 1936) у Лидии Хаиндровой и т.д.; 5) произведений искусства («Пейзаж китайский примитивно прост. / Тут верная жена нашла блаженство, / Чешуйчатый дракон свивает в кольца хвост / И тайных знаков страшно совершенство» («В храме Ми-син», 1931) у Тамары Андреевой; «Китайский мастер их нарисовал / Легчайшею и совершенной кистью» («Картина», 1941), «Сюда пришел еще безвестным / Чжи Хуа, художник и монах: / Картины языком чудесным / Поют победно на стенах» («Хусиньтин», 1951) у Валерия Перелешина; «Китайская шкатулка» (1941) у Марии Коростовец; «Холод осенний в китайском панно...» (1953) у Юстины Крузенштерн-Петерец; «В альбом, где китаец с бамбуковой тростью...» («Альбом») у Лидии Хаиндровой; подзаголовок «Китайская вышивка» («Фонтан», 1921) у Михаила Щербакова и т.д.); музыки («Чтоб накопить истому грустную, / Я выхожу в ночную синь, / Вдали слышиша неискusstную / И безутешную хуцинь» («Хуцинь», 1943) у Валерия Перелешина и др.), литературы (подзаголовок «из китайской поэзии» («Песня весны во дворе», 1929) у Алексея Ачаира; упоминание китайских поэтов Сы Кун-ту, Ли Тай-бо у Федора Камышнюка («Наступает желанный искус...», 1930); подзаголовок «По эпитетам

китайских поэтов и художников («Ду-Хэ») у Венедикта Марта; «Сама Ян Гуэй-фей для него растирала / На блюде фарфоровом палочку туши», «Ей пишет стихи Ли Тай-бо знаменитый», «Бродягу и пьяницу знал современник, / Поэт Ли Тай-бо – это тысячелетьям» («Ли Тай-бо») у Юстины Крузенштерн-Петерец; «Стихи императора Юань-хао-сянь» у Михаила Щербакова и т.д.) и философии (подзаголовки «Из китайской философии»; «“Страсти подобны Ван-Хао” – так некогда молвил Конфуций, / Древний китайский мудрец, седовласый почтенный философ» («Цветок Ван-хао»)) у Николая Светлова; «Из мудрых песен Лао-цзы» («Сижу с китайцами в харчевнях...») у Михаила Спургота и т.д.). Особое место занимает и сама история страны, августейшие особы: «И она в историю вступила / С августейшим именем Цы Си» («Феникс»), «В парке – видела воочью – / Бродит Кубилай...» («Пекин») у Марии Коростовец; «таятся в соснах шорохи столетий», «Рисунками, стихами, именами / Испещрена горбатая стена» («Поездка в Дун-Лин», 1940; место захоронения императоров Цинской династии) у Валерия Перелешина и др.); показательно, что в семантическом окружении слов, репрезентирующий культуру Китая, употребляются слова с семантикой старины, древности (тысячелетия, столетия, старинный, старый, древний и др.); кроме того, культура чужой страны подвергается оценке, откуда в текстах и появляются единицы с оценочной семантикой (совершенный, красивый, величавый, высокий, скромный, примитивно простой, неискусный и др.). Особое место занимают и языковые особенности, отмечаемые белоэмигрантами, и используемые в их текстах единицы китайского языка: посвящение «Моей подруге Шу-хой»; «Шуй-сен хуа – цветок нарцисса. / Это значит – водяная нимфа», «Вы окликнули меня: «Лалисса!» – / Сделав имя кукольным и ломким...» («Нарцисс») у Лариссы Андерсен (заметим, что в стихотворении зафиксирована особенность китайского языка, приведшая к замене звука [р'] в имени звуком [л']); «Во ай ни» (кит. ‘я тебя люблю’) («Нё-н» (1930; кит. ‘девушка’)) у Кирилла Батурина; «вязью иероглифов черной» («Светильник») у Варвары Иевлевой; «Постичь высокой мысли красоту / И начертать, почти что на лету, / Вторую часть иероглифа!» («Свидание друзей») у Михаила Волина; «Поет тягуче за веслом китаец / Про Хай-шин-вей – “трепангов град великий”» (китайское название Владивостока) («На амурском заливе») у Венедикта Марта; «В стране иероглифов...» («Пятнадцать лет») у Александры Паркау; «Эта улица – “чжи жу фа”» (‘прямая, как волос’, китайский фразеологизм) («Пекин»), эпитафия «И-е-сань-цю – одна ночь (в разлуке тянется, как) три осени. Китайская поговорка. В конце сонета перевертываю ее: “Три осени (пролетают, как) одна ночь”» («В разлуке», 1973) у Валерия Перелешина; «Говоря (как на Руси!) / Встречным всем: “Синь-нянь! Синь-си!”» (кит. ‘С Новым годом! С новым счастьем!’) («Новый год Китая») у Николая Светлова и др.). Валерий Перелешин в своих текстах рассуждает и о китайских именах: «Красные Листья под Инеем – странное имя: /

Сколько в Китае затейных и умных имен!» («Красные листья под инеем», 1947); «*Я б родился в городе южном – / В Баошане или Чэнду – / В именитом, степенном, дружном, / Многодетном старом роду. / Мне мой дед, бакалавр ученый, / Дал бы имя Свирель Луны, / Или строже: Утес Дракона, / Или тише: Луч Тишины*» («Заблудившийся аргонавт», 1947). Представляет интерес и стихотворение «Песенка о Китае» (1930-е гг.) Александры Серебренниковой, в котором представлено восприятие культурных особенностей страны до и после эмиграции: «*Мы, помню, в детские года, / Об Азии читая, / Не представляли никогда / Страны такой – Китая. / На чайной банке голубой / Мы знали по картинке / Китайца с длинною косой / В халате цвета синьки. / И все мы пили, стар и млад, / Китайский чай душистый...*», «*Китайской фанзой с чесучой / Всегда мы запасались, / В курмы с расшитой каймой / Охотно наряжались. / Мы знали: это все Китай / Шлет жителям Сибири. / Но где находится сей край? / В каком далеком мире? / Вдруг в этот самый край судьбой / Мы брошены случайно – / И стал нам родиной второй / Китай с коробки чайной*» (см. [6]). Китайская культура не оставила белоэмигрантов равнодушными и, как нечто непонятое, странное, удивительное, повлияла на развитие противоположных смыслов [4] и [5], часто связанных с готовностью или неготовностью принять реалии чужой страны.

~ Л.Н. Андерсен (, ,) , Т.П. Андреева (,) , А.А. Ачаир (Грызлов) ()
() , К.В. Батулин (, ,) , Борис Бета (Б.В. Буткевич) (,) , М.Г. Визи ()
() , Михаил Волин (М.Н. Володченко) (, ,) , Б.Н. Волков (,) ,
Л.В. Гроссе (, ,) , Л.Е. Ещин () , В.Н. Иванов (,) , В.Н. Иевлева () ,
() , Ф.Л. Камышнюк (,) , Колосова Марианна (Р.И. Виноградова) (, ,) ,
() , М.П. Коростовец (,) , Ю. Крузенштерн-Петерец (, ,) , Нора Крук (Н.М. Кулеш) (,) , В.С. Логинов (,) , Венедикт Март (В.Н. Матвеев) () ,
() , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) () , И.Т. Орлова
(,) , А.П. Паркау (,) , В.Ф. Перелешин (Салатко-Петрище) (,) ,
Е.Н. Рачинская (, ,) , Николай Светлов (Свиньин) (,) ,
А.Н. Серебренникова (,) , О.А. Скопиченко (, ,) , М.Ц. Спургот () ,
() , Л.И. Хаиндрава (Хаиндрава) (,) , М.В. Щербаков (,) , Е.Е. Яшнов ()

3. Китай как чужбина, пристанище белоэмигрантов. Китай являлся одним из центров русской эмиграции и, с одной стороны, оставался для многих эмигрантов страной чужой, далекой по духу (см. [4]), а с другой – становился приютом, убежищем, дающим возможность отдохнуть от тревог (см. [5], [6]). Поэтому рассматриваемый актуальный смысл подкрепляется: 1) словами, содержащими общую эксплицитную либо имплицитную сему ‘чужое’ и самой оппозицией «родное – чужое» («*А здесь, на чужбине, все скучны и странны: / Я им непонятен, они мне чужды*») («Я выпил стакан эмигрантской отравы...») у Николая Алла; «Эмигрантка» (1933) у Алексея Ачаира; «*Чужие слова и речи. / Пыль чужих дорог*» («Дракон, пожирающий солнце») у Бориса Волкова; «*Нельзя по-чужому молиться / И быт неродной полюбить*», «*к чужбине никто не привык*» («Рождество на чужбине»), «*в этом городе чужом*», «*Порешила на чужбине / Лешачиный строить дом*» («Лешачонок»; через образ славянских мифологических существ в стихотворении представлена судьба эмигрантов), посвящение «*русским эмигрантам*»; «*из чуждого Китая*» («Письмо в Америку»), «*в чужом холодном мире*» («На постоялом дворе») у Марианны Колосовой; «*Наша эмиграция в Китае*» («Потомку») у Арсения Несмелова; «*Вы эмигрант. В чужой стране / Я тоже эмигранткой стала...*» («Баллада сентиментальных вздохов») у Елизаветы Рачинской; «*Мне кажется, сто лет прошло, / Как чужестранкой я считаюсь*» («Письма», 1931) у Эммы Трахтенберг; «*в кругу чужестранцев*» («Опыт», 1932) у Николая Щеголева и т.д.); 2) словами с общими эксплицитными либо имплицитными семами ‘забота’, ‘благожелательный’ («*...за стеной Китая / О прошлом ведем рассказ...*») («Пулеметчик сибирского правительства») у Бориса Волкова; «*Защитил, укрыл от вихрей злых*» («Второй родине») у Елены Даль; «*найдем защиту и покой*» («Д.Л. Хорват», 1932) у Марианны Колосовой; «*Давал приют уставшим от скитаний / И душу русскую берег*» («Туда – к чужим») у Александры Паркау; «*Словно дом после долгих блужданий*» («Китай», 1942) у Валерия Перелешина и т.д.; обращаются белоэмигранты в своих текстах и к реалиям русской жизни в чужой стране, русским «островкам» («Плач по харбинскому разрушенному Св. Николаевскому собору» (1994) у Марии Визи; «*Наш уютный маленький Харбин*» («Любовь-чародейка») у Ирины Лесной; «*Былой России скромный уголок*» («Пятнадцать лет») у Александры Паркау; эпитафия «*Харбинскому кафедральному Св. Николаевскому собору*» («Корабль»), «*Но в изгнание запомнится слово – Аньда – / Этот русский пустынный оазис*» («Аньда») у Григория Сатовского; «*Русейший облик Харбина*» («Грустим по северной Пальмире...»), «*Русское наше знамя / В странах чужих храним*» («Мы – землепроходцы») у Михаила Шмейссера и т.д.).

~ Н.Н. Алл (,) , А.А. Ачаир (Грызлов) () () , М.Г. Визи () () ,
 Б.Н. Волков (,) , Елена Даль (Е.Ф. Плаксеева) () , Колосова Марианна
 (Р.И. Виноградова) () (, ,) , Ирина Лесная (И.И. Лесевицкая) (,) ,
 Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) () , А.П. Паркау (,) , В.Ф. Перелешин
 (Салатко-Петрище) () () , Е.Н. Рачинская (, ,) , Г.Г. Сатовский () ,
 Эмма Трахтенберг (,) , Н.А. Щеголев () () , М.П. Шмейссер (,)

┌ Актуальный смысл формируется в творчестве всех авторов (см. перечень [1]) в импликации.

4. Китай как место страданий. Оказавшись вдали от родной страны в условиях чужой культуры (см. [2]) и испытав на себе тяжесть эмигрантской жизни (как материальную, так и моральную), поэты не могли не обратиться к пережитому в своих текстах. Отсюда в них обилие слов тематической группы «Страдание» с их общими эксплицитными либо имплицитными семами ‘несчастье’, ‘тяжкое’, ‘боль’ («Я выпил стакан эмигрантской отравы...» у Николая Алла; «*Но почему мы все тоской объаты?*», «*И мы – в тоске, за дальним рубежом...*» («Родине») у Тамары Андреевой; «*Знакомые, прежние лица, / Лишь большие морщин и седин. / Лишь тише, покорнее поступь / и голос слабей и тускней, / лишь, сгорбившись, сбавили росту*» («Эмигрантка», 1933), «*тоски не развеют*» («Как и прежде», 1933) у Алексея Ачаира; «*И после – весь ужас безмерной тоски*» («Володе Визи», 1928) у Марии Визи; «*Что от стужи опять дрожу / И опять семь дней не обедаю*», «*Я живу лишь едва-едва, / Не живу, а жизнь свою мыкаю. / И, занывши от старых ран...*» («Беженец») у Леонида Ещина; «*горесть русская*» («Д.Л. Хорват», 1932), «*По китайским деревушкам / Шла в тревоге и тоске*» («Лешачонок»), «*отгоню тоску мою*» («Привет Родине», 1926), «*Живем мы с Вами в Китае, / А тоскуем о другой стране*» («Перезвоны сердца», 1929), «*боль и усталость*» («Рождество на чужбине»), «*Не тоскуй же, не надо, послушай, / Не один ты, нас много таких... / Злобный ветер обжег наши души...*», «*потери*», «*за горькие, слезные дни*» («Елка на чужбине»), «*Достались нам тяжесть и горе*» («Новые»), «*И дальше слезные и бледные страницы: / Гензан... Гири... Сумбурность Харбина. / Молчащие измученные лица...*» («Все о том же») у Марианны Колосовой; «*Климат душевный тяжел*» («Белые, чистые хлопья на этой панели...») у Норы Крук; «*Вместе с тихой тоской сожалений / Облик прошлых пронесшихся дней*», «*Захотелось до муки, до боли / Отряхнуть налетевшие сны...*» («Далекий сон») у Ирины Лесной; «*о судьбе изгнанников печальной*», «*Горек путь,*

подслеповат маяк, / Душно вашу постигать истому» («Потомку»), «В глухом окаменении тоски / Живут стареющие россияне» («Эпитафия») у Арсения Несмелова; «В стране иероглифов, драконов и тревог» («Пятнадцать лет») у Александры Паркау; «Печальной звездой восходит моя ностальгия» («Ностальгия», 1943) у Валерия Перелешина; «Вы эмигрант. В чужой стране / Я тоже эмигранткой стала, / И я была на этом дне, / Где поэтического так мало...» («Баллада сентиментальных вздохов») у Елизаветы Рачинской; «среди холода изгнания» («Корабль»), «Равнодушно брожу по чужим городам, / Вечный странник без дома и связей», «Тихой грустью на улицах веет» («Аньда») у Григория Сатовского; «Цветут магнолии. И эта новизна / Мучительнее, чем бессонница», «А ночью – я, никчемный и чужой, / Ищу чего-то в матовом тумане, / Грущу о чем-то...» («Весной», 1932) у Николая Светлова; «Я тебе горе изгнанника кину» («Дайрен и...Волга»), «Слишком изгнание тянется долго, / Слишком устали мы ждать», «В сердце изгнанника, горем прокуренным...» («Гомон весны»), «На холодном чужом берегу», «Ах, поймите вы думу печальную...» («Потерянный звон») у Ольги Скопиченко; «Ты горестно считаешь неудачи, / Припоминая пройденные дни» («Под чужим небом», 1936), «плачем, горести таим» («Стремительно бежим – куда, не знаю...», 1938), «У всех в глазах, не знающих покоя...», «С какую беспредельною тоскою / Они ушли из дома навсегда!» («Беженцы», 1941), «И вздохом тревожным растаю / Среди чуждых китайских полей» («Россия», 1945) у Лидии Хаиндровой; «прозябанье в кругу чужестранцев, / Это та же тоска...», «...получая презренье подчас» («Опыт», 1932), «Иль не со мной моя тоска» («В раздумьи») у Николая Щеголева; «Мы жили в те томительные годы» («На скучных сунгарийских берегах...», 1935) у Евгения Яшнова и т.д.) и слов тематической группы «Бедность, обездоленность» с общими семами 'нищенский', 'малоимущий' («всю молодость нищими жить», «Живем на чужбине – чужие, / И наша царица – Нужда» («Новые») у Марианны Колосовой; «Получая гроши» («Опыт», 1932) у Николая Щеголева и т.д.; заметим, что эмигранты чаще всего имели дело с социальными низами, а потому и представление о самом Китае было связано у них с понятием бедности («А в городе, по тротуарным латам, / Мелькают кляч избитые бока, / И рикши потные, в подоткнутых халатах / Глядят в заплаканные облака» («Волнистой линией тянулся горизонт...») у Тамары Андреевой; «И страшных нищих в цепких лапах / Нужды и тягостных годов» («О, сунгарийская столица!..») у Василия Логинова; «голодный Китай» («Китай», 1942) у Валерия Перелешина; «Китай бедный сын, оборванный и грязный, / Едва прикрыты бронза, нагота... / На голове лоскут, убор своеобразный, / Его удел работа, нищета...» («Лотос») у Елизаветы Рачинской; «Китайчата босые», «А за ящиком грязным с отбросами / Спит, раскинувшись, нищий больной», «Окна рваной бумагой заклеены, / И лохмотья торчат из дверей» («Шанхайское захолустье») у Ольги Скопиченко и т.д.).

~ Н.Н. Алл (,) , Т.П. Андреева (,) , А.А. Ачаир (Грызлов) () ,
 М.Г. Визи (,) , Л.Е. Ещин , Колосова Марианна (Р.И. Виноградова) () ,
,) , Нора Крук (Н.М. Кулеш) (,) , Ирина Лесная (И.И. Лесевицкая) () ,
) , В.С. Логинов (,) , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) , А.П. Паркау
 (,) , В.Ф. Перелешин (Салатко-Петрище) () , Е.Н. Рачинская
 (, ,) , Г.Г. Сатовский , Николай Светлов (Свиньин) () ,
 О.А. Скопиченко (, ,) , Л.И. Хаиндрова (Хаиндрава) () , Н.А. Щеголев
 () , Е.Е. Яшнов

5. Китай как место спокойствия и блаженства, рай. Нахождение в стране, верной своему культурному наследию, вдохновляло эмигрантов, а спокойная обстановка после революций и Гражданской войны в родной стране позволяла вернуться к гармоничному существованию на чужбине. На языковом уровне подкрепляют рассматриваемый смысл единицы с общими имплицитными семами 'удовлетворение', 'покой': *«Нирвана. Беспечность»* («В фруктовой лавчонке», 1938), *«и ветра бесплотные руки меня заносили в нирвану»*, *«и был только он – только отдых»* («Ханьчжоу», 1939) у Алексея Ачаира; *«И дышит все вокруг покоем»* («Как на Россию непохоже») у Арсения Несмелова; *«Приходил тишины зачерпнуть»*, *«В этом странном и шумном раю...»* («Китай», 1942), *«Но там над пропастью взвилась сосна, / Торжественно, спокойно, равнодушно, / И там царит такая тишина, / Что сердце ей доверится послушно»* («Картина», 1941), *«Из всех садов я полюбил Чжунхай / За синие расширенные дали: / Не это ли Господень тихий рай / Для тех, что белых риз не запятнали?»* («Чжунхай», 1943), *«В Сянтаньчэн, в мир и тишину!»* («Сянтаньчэн», 1948) у Валерия Перелешина; *«чудесный дар светлого рая»* («Цветок Ван-хао») у Николая Светлова; *«Молюсь на паперти Хингана. / Взойти во храм я, грешный, не могу, / Там слишком праведна Осанна»*, *«Молись, да снидет в сердце чистота, / Покой, безгрешность и отрада»* («На паперти Хингана») у Николая Шилова и т.д. Само восприятие древней культуры, накопившей мудрость веков, способствовало возникновению рассматриваемого смысла: *«Забывшую мудрость большого Китая / Замкнул в себе пристальный взор»*, *«А Будда – свидетель победы и горя / Все так же спокойно молчит»*, *«Никто его мирный покой не встревожит, / Он верен прошедшим векам»* («Пекин») у Ольги Скопиченко; *«Он не сложит*

песен. *В строгом взоре / Мудрость предков и покой земли* («Китайская пашня», 1940) у Лидии Хаиндровой и т.д.

~ А.А. Ачаир (Грызлов) () , Арсений Несмелов (А.И. Митропольский) ,
В.Ф. Перелешин (Салатко-Петрище) () , Николай Светлов (Свиньин) (,) ,
Н.Д. Шилов , О.А. Скопиченко (, ,) , Л.И. Хаиндрова (Хаиндрава)
()

6. Китай как вторая родина. Будучи чужбиной географической, Китай стал родиной духовной для целого ряда эмигрантов, что подтверждается в их текстах самим наименованием Китая второй родиной, а также словами с общей семей «родное»: «...мне стала Родиной второю / Приютившая меня страна» («Второй родине») у Елены Даль; «*И родные озера, озера! / Словно на материнскую грудь / К ним я, данник беды и позора, / Приходил тишины зачерпнуть*» («Китай», 1942), «*У мачехи ласковой – в желтой я вырос стране, / И желтые кроткие люди мне братьями стали*» («Ностальгия», 1943), «*любовью полюбил несложной / вторую родину мою*» («Три родины») у Валерия Перелешина; «*И стал нам родиной второй / Китай с коробки чайной*» («Песенка о Китае», 1930-е гг.) у Александры Серебренниковой; «*Но я такую же осталась / И родиной зову Китай!..*» («Письмо матери») у Эммы Трахтенберг; «*И скоро станет родиной изгнание*» («Стремительно бежим – куда, не знаю...», 1938) у Лидии Хаиндровой и т.д.; Китай стал страной не только привычной, но и любимой, дорогой сердцу (см., например «Над озером – белые голуби...» (1932) у Эммы Трахтенберг: «*Я знаю, ты многое отдал бы, / Чтоб в нашу страну попасть. / И я отдала бы тоже / Озерную эту тишь, / Чтоб видеть желтую кожу / И цепь ободранных рикш!..*»).

~ Елена Даль (Е.Ф. Плаксеева) , В.Ф. Перелешин (Салатко-Петрище) , ,
А.Н. Серебренникова () , Эмма Трахтенберг (, ,) , Л.И. Хаиндрова (Хаиндрава)
 ()

► В сборнике «Белый Рассвет» (2017), изданном к столетию Белого движения, представлен ряд стихотворений, посвященных жизни эмигрантов в Китае: «Полковник Н» (Александр Чжоу), «Я приехал в Харбин» (Николай Жданов-Луценко), «Арсению Несмелову» (Елена Семенова).

► Эмигрантами, знавшими китайский, на русский язык были переведены поэтические произведения разных периодов китайской литературы.